

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТИЕ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ течеіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію соѣтства университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ истории Востока
В. В. Григорьевымъ. С.-Петербургъ. 1870.

I.

Съ давнихъ временъ существуетъ особенная отрасль литературы, которую можно назвать «юбилейною». Въ этой юбилейной литературѣ займетъ видное мѣсто трудъ ординарнаго профессора по каѳедрѣ истории Востока г. Григорьева, недавно вышедшій въ свѣтъ¹⁾ подъ заглавiemъ «Историческая записка» о первыхъ пятидесяти годахъ существованія с.-петербургскаго университета.

Извѣстно, что какъ въ гастрономическомъ отношеніи юбилейные обѣды не бывали никогда особенно вкусны и питательны, такъ и юбилейная литература, поэзія и проза, не бываетъ особенно интересна, а по природѣ своей и назначению можетъ быть охарактеризована словами: скучно-тошнота. Иною она и не бываетъ. На юбилей собираются люди, большею частью другъ другу чуждые, праздновать вмѣстѣ свои юношескія воспоминанія, которыя у каждого изъ нихъ совершенно различ-

¹⁾ Не надобно принимать буквально нашихъ словъ: вышедшій въ септ., такъ какъ трудъ г. Григорьева, по крайней мѣрѣ, по сіе время въ свѣтъ не вышелъ, т.-е. его вѣтъ въ продажѣ.

ны. Еслибы каждый изъ нихъ исповѣдалъ порознь, чѣмъ онъ восторгается въ прошедшемъ, то вышла бы жесточайшая рознь и усобица, потому что соединились на одну минуту въ одну общую массу люди самыхъ противоположныхъ лагерей и направлений; следовательно, единственная возможность того, чтобы праздникъ кончился благополучно съ подобающею ему торжественностью, заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе спѣлись и тщательно избѣгая всякаго драматизма и всякихъ диссонансовъ, unissono хвалебный гимнъ, безъ всякихъ уже заботъ о мѣрѣ хваленія, то-есть о томъ, чтобы хваленіе соответствовало хвалимому предмету. Эффектъ выходитъ въ декоративномъ отношеніи удивительный, когда свои личные воспоминанія можно поставить на заоблачныхъ вершинахъ какого-нибудь многовѣкового учрежденія: тогда историческая тѣни отъ этихъ вершинъ ложатся длинными грядами на маленькихъ живыхъ людей-мурашекъ, и можно заглядѣться на эти живописныя вершины и въ созерцаніи міровыхъ событий прошедшаго забыть о настоящемъ. Когда лейпцигскій университетъ, основанный въ 1409 г., будетъ праздновать свою пятисотлѣтнюю годовщину, ему придется помянуть и Лютера съ реформацией и Густава Адольфа съ 30-лѣтнею войною и Völkerschlacht и Tugendbund. Имена людей и событий имѣютъ силу магическую и вдохновеніе нисходитъ само собою при ихъ произнесеніи. Но на образованіе такой декорации надо не сколько сотъ лѣтъ, въ пятьдесятъ же не возникаетъ ни пикъ альпійскій, ни египетская пирамида, и юбилейному историку приходится вооружиться увеличительнымъ стекломъ. Цифра одолѣваетъ фантазію, статистика убиваетъ поэзію: у насъ въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ были воспитанники первого выпуска, а большинство собравшихся состояло изъ лицъ, которыхъ память охватывала большую половину существованія университета.

Петербургскій университетъ сдѣлалъ пока только не сколько шаговъ въ своемъ существованіи, и потому главная его заслуга можетъ заключаться пока въ томъ, что выпустилъ онъ въ свѣтъ съ дипломами 2,365 кандидатовъ, да 920 дѣйствительныхъ студентовъ, итого 3,285 человѣкъ; но изъ числа ихъ только трое, по словамъ г. Григорьева (с. 307.) попали въ государственные дѣятели высшаго порядка (одинъ министръ юстиціи К. И. Паленъ и два члена государственного совѣта А. Л. Гофманъ и баронъ А. Ф. Будбергъ),—фактъ прискорбный, о которомъ краснорѣчиво распространялся въ элегическомъ тонѣ и профессоръ И. Е. Андреевскій на юбилейномъ обѣдѣ 8-го февраля 1869 г. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Григорьевъ, что питомцамъ

университета болѣе нежели въ государственной службѣ посчастливились въ наукѣ и искусствѣ, и есть два-три крупныхъ имени (Грановскій, И. С. Тургеневъ) и нѣсколько меньшихъ свѣтиль, да и всѣ эти олимпійцы, за исключеніемъ одного Тургенева, почти невидимы на Западѣ Европы за предѣлами нашего, весьма правда, обширнаго отечества. При такихъ условіяхъ понятно, что и памятникъ могъ быть созданъ не великій, скромный, безъ пьедестала.

Обыкновенно такие памятники по способу виѣшней своей отблѣки напоминаютъ у такихъ художниковъ, какъ г. Григорьевъ, манеру китайской живописи, и щеголяютъ богатствомъ мелочнаго подробнѣстей тончайшей работы, но незачѣмъ искать въ нихъ и требовать отъ нихъ ни соблюденія законовъ перспективы, ни экспрессии. Всѣ лица выходить одинаково плоскія, за то трава и кусты, коими одѣты дальня горы, отблѣланы одинаково отчетливо, какъ люди и животныя, подвизающіяся на первомъ планѣ. Еслибы жиль до сихъ порть маститый ректоръ, въ теченіе четверти столѣтія предсѣдательствовавшій съ неизмѣнявшимъ ему никогда достоинствомъ въ совѣтѣ *altae matris*, то по всей вѣроятности ему бы и пришлось быть ея исторіографомъ, и исполнилъ бы онъ эту задачу съ тѣмъ тактомъ и умѣніемъ, которому отдается честь самъ г. Григорьевъ (237). На выполненіе задачи труда сухого и неблагодарнаго требовалось много терпѣнья, мягкости и теплоты сердечной. П. А. Плетневъ воздалъ бы должное всякому, доказавъ хорошую его сторону, промолчавъ о дурныхъ; физически умершихъ, онъ бы похвалилъ по правилу *de mortuis aut bene aut nihil*, политически для университета умершихъ, то-есть выбывшихъ, онъ бы тоже похвалилъ по правилу: Богъ съ вами, не поминать васъ лихомъ! да и обѣ остающихся въ университетѣ не сказалъ бы дурнаго слова, потому что, значить, своя семья. Памятникъ, такимъ образомъ составленный, соотвѣтствовалъ бы, какъ нельзя болѣе цѣли своей, онъ былъ бы настоящій юбилейный памятникъ, стройный, гармоническій, хорошо отшлифованный. Единственный упрекъ, который можно бы ему сдѣлать — тотъ, что онъ даетъ слабое и неясное понятіе о судьбахъ университета, о внутренней его жизни и развитіи, но дѣлать подобный упрекъ значитъ требовать отъ предмета того, чего онъ дать не можетъ и къ чему онъ вовсе не предназначенъ. Юбилейная записка въ столь же малой степени можетъ изображать собою настоящую исторію университета, какъ надгробная надпись — замѣнить жизнеописаніе умершаго. Перенесемся мысленно на кладбище и предположимъ, что на этомъ кладбищѣ похоронены всѣ люди извѣстнаго столѣтія съ подобающими на каждомъ гробѣ надписями, что по-

койный былъ прекрасный семьянинъ, христіанинъ, сановникъ. Соберите всѣ надписи и попытайтесь построить изъ нихъ исторію столѣтія: окажется, что въ подобной работѣ не можетъ быть ни малѣйшаго проку.

II.

Выборъ совѣта по составленію записки палъ на г. Григорьева. Повидимому, г. Григорьевъ не только по своей учености, но и по времени вступленія въ университетъ, былъ чоловѣкъ самый способный для выполненія возложенной на него задачи; въ бурную эпоху университетскихъ смутъ 1861 г. онъ не принадлежалъ къ ученой корпораціи и сдѣлался членомъ ея только тогда, когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г.; значитъ, онъ стоялъ вѣнѣ всякихъ университетскихъ партій и въ событіяхъ 1861 г. могъ относиться вполнѣ объективно и, безъ всякаго недѣя собою усиля, безпристрастно. Онъ мало былъ знакомъ, правда, съ трудомъ и преподаваніемъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, но недостающее легко было пополнить изъ подлинныхъ дѣлъ университета, изъ журналовъ, наконецъ изъ устнаго преданія отъ сотоварищѣй, изъ коихъ четверо образовали по порученію совѣта юбилейную комиссію и участвовали, если не въ самомъ написаніи записки, то въ отвѣтственности за ея содержаніе (Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, см. 611 примѣчаніе къ запискѣ). Трудъ шелъ медленно, материалъ обрабатывался исподволь и составленіе записки вмѣстѣ съ печатаніемъ заняли два года (съ апрѣля 1868 по мартъ 1870 годъ). По своимъ размѣрамъ и плану видно, что авторъ тяготился узкостью юбилейной задачи, и отступая нѣкоторымъ образомъ отъ пріемовъ, освященныхъ обычаемъ въ подобнаго рода работахъ, рѣшился затронуть внутреннюю жизнь университета, коснуться жгучихъ вопросовъ о причинахъ университетскихъ беспорядковъ и неустройствъ, которые проявились не только въ с.-петербургскомъ, но въ другихъ университетахъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—и представить такимъ образомъ нѣчто въ родѣ опыта прагматической исторіи того учрежденія, которое столь дорого сердцу каждого его питомца. Конечно, мы далеки отъ всякой мысли попрекать составителя записки за такую смѣлость. Мы помнимъ, что *in magnis voluisse sat est!* Мы скорѣе готовы думать, что ему бы надо быть еще смѣлѣе и, отказавшись отъ юбилейного пошиба и отъ китайской живописи, не на сорока листахъ, а на

ста; можетъ быть, страницахъ изобразить главнѣйшіе моменты жизни университета по убѣжденіямъ автора, вслѣдствіе чего однимъ произведеніемъ изящнаго искусства для искусства стало бы меныше, но литература обогатилась бы однимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ. Китайской живописи много у г. Григорьева, больше, чѣмъ бы слѣдовало, и рядомъ съ нею есть сужденія о лицахъ, къ которымъ авторъ лично былъ расположенъ или непримѣненъ; есть также и посильная оцѣнка внутреннихъ въ микробысмѣ университетскомъ переворотовъ. Я не знатокъ китайской живописи, но прежде перехода къ предметамъ болѣе существеннымъ, не могу обойтись безъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній объ этой части труда г. Григорьева. Я полагаю, что и въ такой кропотливой мелочнной работѣ надо придерживаться все-таки явленій, достигающихъ известной величины. Даже и въ юбилейномъ трудѣ едва ли интересно прочесть, что въ 1867 г. проф. Чебышевъ помѣстилъ въ бюллетењ Ак. Н. «объ одномъ ариеметическомъ вопросѣ», а въ 1869 г. «объ одномъ механизме» (397); что проф. Срезневскій отпечаталъ 1863 г. статью «Навертень XVII столѣтія» и «Византійскій ковчежецъ» (411); что проф. Благовѣщенскій тиснуль въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статейку: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ для развитія и поддержанія ученой жизни въ университетахъ», и въ «Голосѣ» статейку: «Къ вопросу о губернскихъ художественныхъ музеяхъ» (408); что доцентъ Ламанскій печаталъ «О нѣмецкомъ человѣкѣ въ Россіи» — переводъ изъ Gartenlaube (412), причемъ въ запискѣ г. Григорьева этотъ же нѣмецкій человѣкъ, т.-е. лекторъ Мейеръ, очутился, на слѣдующей страницѣ 413, съ отмѣткою, что онъ редактируетъ S.-Petersburger Zeitung, но ужъ безъ всякихъ замѣчаній на счетъ знаменитой кобылы графа Бисмарка. Я полагаю, что можно было бы безъ всякаго ущерба и для современниковъ и для потомства исключить также мелкія, полемическія статьи, некрологи и рецензіи, которыхъ по роду своихъ занятій и обязанностей службы пишутъ профессора о выходящихъ въ свѣтъ, каждый по его специальному предмету, сочиненіяхъ (еще бы они этихъ рецензій не писали, чѣмъ же бы, спрашивается, и занимались господа официальные представители науки?).

Излишне конечно не бѣда; когда составляется опись какому-нибудь имуществу, то заносится въ нее всякая тряпка и всякий гвоздикъ, отъ описи требуется только полнота и точность, но я и этихъ достоинствъ описи не могу вполнѣ признать за запиской; есть въ ней счастливцы, которымъ все досталось, и есть такие, которые видимо обдѣлены. — При обзорѣ литературной дѣятельности, напр., К. Д. Кавелина, пропущена

большая часть его трудовъ (с. 158), а между тѣмъ дѣло предстояло не великое, надлежало перепечатать только оглавление собранія его сочиненій, вышедшаго въ четырехъ томахъ въ Москвѣ въ 1859 году, но и объ этомъ изданіи не упомянуто, причемъ оправдалась вполнѣ пословица: *les absents ont tort*. Еще болѣе печальная участъ постигла Б. И. Утина¹⁾. «Изъ дѣлъ университета не видно, говорить записка, ни какъ взялся за преподаваніе г. Утинъ по каѳедрѣ ему порученной²⁾, ни какими пособіями руководствовался онъ при преподаваніи» (стр. 168); точно г. Утинъ жилъ за сто лѣтъ, точно въ факультетѣ не сохранилось программъ, представляемыхъ каждымъ преподавателемъ, точно между товарищами по преподаванію не нашлось никого, кто бы передалъ о характерѣ преподаванія, которое посвящено было одному изъ важнѣйшихъ предметовъ юридического курса и обнимало собою сравнительную исторію политическихъ и въ особенности судебныхъ учрежденій, начиная съ древности и до новѣйшихъ временъ. Г. Григорьеву стоило бы только обратиться, напримѣръ, къ проф. Андреевскому, и г. Андреевскому со свойственною ему предупредительностью сообщилъ бы ему и о спорахъ, которые породило въ факультетѣ учрежденіе новой каѳедры сравнительной исторіи законодательствъ и о разныхъ мнѣніяхъ о пользѣ этой каѳедры, и о запискахъ, которыхъ подавались по этому предмету министерству, и о томъ, что каѳедра открыта впервые въ С.-Петербургѣ, введена по уставу 1863 г. и въ другіе университеты, такъ что тотъ же самый предметъ преподавалъ г. Дмитріевъ въ Москвѣ и г. Стояновъ въ Харьковѣ.—На стр. 86 упомянуто, что въ 1828 году профессорамъ университета объявлена благодарность министерства народнаго просвѣщенія за хорошій результатъ испытанія въ наукахъ шестерыхъ воспитанниковъ, которыхъ предполагалось отправить за границу. «Университетъ не долженъ забывать именъ воспитан-

¹⁾ Къ прил. 318, дающему заглавія только двухъ статей Утина, слѣдовало бы между прочими прибавить слѣдующія: Англійская юридическая литература, «Журн. Минист. Юстиції» 1861 г.; Муниципальная учрежденія, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г.; Государственный бытъ Англіи въ «Отеч. Зап.» 1862 г., за авг.; тамъ же, за ноябр.; Судебная реформа; разборы сочиненій Градовскаго и о. Горчакова въ «Вѣстнике Европы». — Въ 1866 г. изданъ Утинымъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ переводъ книги барона Гакстаузена «О конституціонномъ начальѣ». Все это умолчано, а «Византійскій ковчежецъ» г. Срезневскаго не забытъ.

²⁾ Между тѣмъ вся эта выходка составителей «Записки» уничтожается вступительной лекціею г. Утина, напечатанной въ январской книжѣ «От. Зап.» за 1860 г.; тамъ указанъ и методъ преподаванія, и пособія; а еще болѣе это сдѣлано въ статьѣ г. Утина: «О значеніи каѳедры иностраннѣхъ законодательствъ для русскихъ университетовъ», помѣщенной въ приложеніи къ журналамъ ученаго комитета минист. нар. просвѣщенія, 1862 года, вѣроятно, не безъзвѣстными составителями «Записки».

никовъ своихъ, которые принесли ему такую честь». Я вполнѣ согласенъ, что имена этихъ воспитанниковъ достойны перейти въ исторію, но я полагаю, что не меньшую, по крайней мѣрѣ, честь принесъ университету И. С. Тургеневъ, тѣмъ, что онъ въ этомъ университетѣ воспитывался, между тѣмъ ему не посвящено ни полстрочки; да и Грановскій заслуживаль, мнѣ кажется, больше, чѣмъ сухого извѣстія о немъ, что былъ-моль такой человѣкъ, учился и отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ (105), а потомъ въ Москвѣ пользовался большою популярностью и въ университетѣ и въ городѣ (прил. 208). Г. Григорьевъ нашелъ же возможнымъ посвятить цѣлыхъ двѣ страницы текста только тому, кого слушалъ заграницею и у кого учился профессоръ О. Полисадовъ (134, 135). Если о Тургеневѣ нѣтъ помину, если Грановскому отведенъ укромнѣйший уголокъ, то нечего и удивляться пропуску имени кончившаго въ 1842 г. курсъ наукъ въ университетѣ Юліана Бартошевича, лучшаго знатока въ наше время польской старины и замѣчательнѣйшаго по смерти Шайнохи польского историка, съ которымъ г. Григорьевъ не могъ не быть знакомъ, хотя бы по той «Encyklopedja powszechna», на которую г. Григорьевъ помимо ссылается, и въ изданіи которой г. Бартошевичъ участвовалъ. Г. Григорьевъ ставитъ въ особенную заслугу К. И. Ламанскому его участіе въ осуществленіи «славянскаго съѣзда» въ Москвѣ. Я полагаю, что какъ нельзя болѣе полезное сближеніе славянскихъ народностей подвигается и скрѣпляется не столько тостами и заздравными спичами, сколько основательнымъ знакомствомъ съ результатами умственной дѣятельности разныхъ народностей, что починъ въ этомъ дѣлѣ должны давать ученые и что успѣхъ славянской идеи зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ славянскихъ братствъ и комитетовъ, сколько отъ сознательнаго проведения каждымъ изъ сподвижниковъ славянизма великаго начала: *Slavus sum, nihil slavici a me alienum ruto.*

Въ запискѣ попадаются не только недосмотры, но и положительныя ошибки. Нелегко догадаться напримѣръ на с. CV, что Маріанъ Красильниковъ есть одно и тоже лицо съ получившимъ въ 1859 г. серебряную медаль на с. LVI Маріаномъ Красовскимъ, но что настоящая фамилія этого лица не Красовскій и не Красильниковъ, а Маріанъ Красновскій, нынѣ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Существенный недостатокъ записи при группировкѣ свѣдѣній заключается еще въ томъ, что свѣдѣнія почерпались не критически, не изъ надлежащихъ источниковъ. Когда авторъ записи объ университетѣ ссылается при изображеніи дѣятельности профессора Коссовича на свою записи о

Коссовичъ (прил. 417), то всякому понятно, что эта записка есть нечто производное и что первоначальный материал доставленъ былъ автору самимъ же Коссовичемъ. Такжѣ точно, когда авторъ при изображеніи своей собственной дѣятельности и заслугъ ссылается на записку о немъ, авторѣ, профессора Коссовича въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» за 1868 г., на статью «Григорьевъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Старчевскаго, и на статью Grigorjew въ «Encyklopedja powszechna», то становишиясь въ недоумѣніе, въ чмъ основаніе достовѣрности свѣдѣній о жизни и дѣятельности г. Григорьева, въ томъ ли, что объ немъ писали, можетъ быть неудовлетворительно и ошибочно, составители статей въ лексиконѣ Старчевскаго и въ Encyklopedja, или въ томъ, что вписалъ эти свѣдѣнія въ записку собственно рукою самъ г. Григорьевъ, который знаетъ о г. Григорьевѣ больше и основательнѣе, нежели какая бы то ни была статья, въ какомъ бы то ни было словарѣ. Замѣтствованіе свѣдѣній не критическое, не изъ надлежащихъ источниковъ можетъ имѣть иногда забавный послѣдствія. На стр. 167, сказано о Ромуальдѣ Губе, что памятникомъ занатій по II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи осталось для Россіи дѣйствующее въ ней Уголовное уложеніе. Едва ли кто изъ юристовъ-практиковъ, если онъ не слыхалъ про Губе, догадается, что подъ названнымъ въ запискѣ памятникомъ разумѣется просто-на-просто Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое никогда въ нашей юридической литературѣ не называется «Уголовнымъ Уложеніемъ», названо же оно такимъ образомъ потому, что, какъ видно изъ цитаты 315, свѣдѣнія о Губе взяты цѣликомъ изъ Encyklopedja powszechna, въ которой уложеніе о наказаніяхъ названо Kodeks karny, что и неревель г. Григорьевъ дословно: уголовное уложение.

III.

Мелочи приведены мною единственно съ цѣлью указать, что даже механическая сторона труда въ составленіи записки далеко не можетъ считаться безукоризненно и аккуратно. Переходу теперь къ предмету, который несравненно важнѣе и интереснѣе, въ сужденіямъ г. Григорьева о лицахъ и событияхъ. Во избѣженіе всякаго подозрѣнія въ пристрастіи, натяжкахъ, искаженіи содержанія записи, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ дать нѣкоторое понятіе о личности и взглядахъ автора.

Стр. 107. Студенты начала тридцатыхъ годовъ выходили изъ

университета съ несравненно, болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія были имъ вну-
шаемы подъ домашнимъ кровомъ. О тѣхъ же студентахъ на стр.
103: Треуголки, шпаги, ботфорты дерптскихъ студентовъ служили постояннымъ предметомъ зависти; а на стр. 104: Студенты оставляли университетъ съ весьма малымъ запасомъ свѣдѣній и еще меньшою любовью къ наукѣ.

С. 88. На каеедру философіи вступилъ человѣкъ много-
сторонне образованный, именно такой, какой былъ нуженъ уни-
верситету — А. А. Фишеръ, не берлинскій, а вѣнскій философъ,
знакомившій слушателей по Канту съ философіею, не отуманивая головы. На страницѣ же 138, тотъ же Фишеръ, безъ указанной
какой бы то ни было перемѣны въ направлѣніи, является побор-
никомъ подчиненія мысли, считающимъ умъ не болѣе, какъ за-
мѣрило отрицательное, признающее свое незнаніе.

Стр. 108. Авторъ записи признаетъ мѣрою безусловно благо-
дѣтельною для университета освобожденіе университетовъ отъ завѣ-
дыванія дѣлами учебнаго округа по уставу 1835 г., дававшее про-
фессорамъ болѣе времени для ихъ ученыхъ занятій. Стр. 185 ав-
торъ сожалѣеть объ упраздненіи въ 1850 г. казеннокоштныхъ вос-
питанниковъ и о столь же напрасномъ упраздненіи въ 1858 г.
Главнаго педагогическаго института. Введеніе въ университетъ
преподаванія строевого устава, артиллеріи и фортификаціи ав-
торъ записи объясняетъ (122) тѣмъ, что многіе воспитанники
гражданскихъ учебныхъ заведеній поступили въ ряды защитни-
ковъ отечества и успѣли уже отчасти отличиться, чѣмъ хроноло-
гически невѣрно, такъ какъ открыть преподаваніе повелѣно еще
въ 1854 г., то-есть въ самомъ началѣ восточной войны, когда
еще никто не могъ отличиться. Авторъ отзыается дурно о
весьма немногихъ изъ бывшихъ своихъ учителей или товари-
щихъ, о двухъ, трехъ не болѣе: о протоіереѣ Райковскомъ
(132), о Касторскомъ (219) и о Грефе (прим. 120). Въ числѣ
тѣхъ, которымъ на долю достались одни похвалы, на недо-
сягаемой высотѣ поставленъ Сенковскій (74, 250), «дивный»,
«несравненный» профессоръ, геніальный человѣкъ, который спо-
собенъ былъ бы произвести въ арабской и оттоманской лите-
ратурѣ точно такой же переворотъ, какою онъ произвелъ въ рус-
ской, — живая энциклопедія науки о Востокѣ. Авторъ записи
превозносить Сенковскаго не только какъ ориенталиста, но
и за его государственные услуги по польскому вопросу — тѣ
самыя услуги, за которыя онъ прослылъ ренегатомъ между
своими соотечественниками. Перломъ, валиющимся въ сору,
считаетъ авторъ мысль Сенковскаго, что польское дворян-

ство имѣть происхожденіе отличное отъ польского народа и есть остатокъ азіатскихъ ордъ, можетъ быть аваровъ VI вѣка (прим. 188). Замѣтимъ автору, что перль этотъ былъ поднять и разчищенъ, что имъ-то и прославился въ Парижѣ нѣкто Духинскій, съ своею теоріею о турецкомъ происхожденіи великоруссовъ. Теорія Сенковскаго и теорія Духинскаго двѣ одного поля ягоды. Обѣ онъ бредни, пущенные въ ходъ съ цѣлью политическою: пустивъ ихъ, обѣ литературы поквитались, и искренно жаль людей, которые бы пустились собирать этого рода маргариты. Авторъ не разрѣшаетъ вопроса, куда ушли эти громадныя дарованія, разсыпавшіяся по мелочамъ, исчезнувшія какъ фейерверкъ, и недоумѣваетъ, почему товарищи боялись Сенковскаго, почему его вліяніе ограничивалось даже между слушателями нѣсколькими единицами, почему его аудиторія—зеленѣющій *Фазисъ* среди пустынь—оставалась безслѣдною и никто изъ обитателей пустынь въ нее не закочевывалъ (76), почему даже Плетнєвъ, не почтилъ выражениемъ сухого сожалѣнія минуту, когда съ выходомъ Сенковскаго въ отставку въ 1848 году университетъ лишился *величайшей* изъ своихъ знаменитостей (251). Понятно, что при такомъ апoteозированіи Сенковскаго, авторъ записки не любить Бѣлинскаго, онъ и выражается иронически (226) обѣ «оракулѣ» начала сороковыхъ годовъ. Послѣ Сенковскаго всего больше почета оказано Неволину (113, 155)—знаменитѣйшій доселѣ изъ русскихъ юристовъ. Его энциклопедія обработана въ своей положительной части по источникамъ, бывшимъ частью неизвѣстными западной Европѣ (??). Его исторія гражданскихъ законовъ есть произведеніе образцовое и не имѣющее себѣ равнаго. Онъ далъ юридическимъ занятіямъ историческое направление и образовалъ цѣлую школу юристовъ, пошедшихъ по его слѣдамъ. Любопытно было бы узнать, кто эти юристы и гдѣ элементы той исторической школы, которую создалъ Неволинъ? Школа предполагаетъ въ основатель извѣстную органическую идею, объемлющую весь предметъ изученія и методъ, по которому производится и основателемъ и учениками приложеніе этой идеи и ея разработка. Идей органическихъ о развитіи русскаго гражданскаго права у Неволина не было никакихъ. Онъ и не ставилъ себѣ никогда задачею объяснить въ логической послѣдовательности преемство формъ, рождающихся одна изъ другой по необходимымъ законамъ развитія и въ связи съ общимъ теченіемъ жизни русскаго народа. Его «Исторія» есть громаднѣйшій анатомическій неодушевленный аппаратъ. Для юриста-практика она даетъ нисколько небольше того материала, который содержится въ полномъ собраніи законовъ. Для юриста-теоретика

или историка она не более какъ справочная книга. Она такъ и остается памятникомъ египетского труда, одинокою гранитною пирамидою. Подражать не будетъ потомство этой постройки: оно будетъ строить жилыя зданія поменьше, но поутильнѣе, въ видѣ учебника Мейера, руководства Побѣдоносцева и др. На стр. 169, встрѣчается какое-то странное и не требующее по своей несообразности опроверженія извѣстіе о томъ, что В. С. Порошинъ пріобрѣлъ въ с.-петербургскомъ университетѣ точно такое же вліяніе, какое имѣлъ Грановскій въ московскомъ.—С. 225. Объ Устряловѣ узаемъ мы, что неизмѣнно слышался въ немъ съ свѣтлымъ взглядомъ на прошлое *настоящій русскій человѣкъ*—(225), какъ будто бы это качество было столь рѣдкое и какъ будто бы его недоставало другимъ историкамъ Россіи, г. С. Соловьеву или «поэтической», какъ называется авторъ (227), личности Костомарова. Изъ живыхъ товарищей г. Григорьева всего болѣе превознесенъ И. И. Срезневскій, который, по словамъ записки, поставилъ имя свое на ряду (!) съ славнымъ именемъ Шафарика и пріобрѣлъ неоспоримое право считаться нынѣ, о-бокъ съ Палацкимъ, блестательнѣйшимъ свѣтиломъ на горизонѣ славянской науки (248). Диссертациѣ г. Владиславлева «о философіи Плотина» есть трудъ по исторіи философіи, какого еще не являлось у насъ (368). Книга Ф. Ф. Соколова «о древнѣйшей исторіи Сицилії»—есть трудъ по древней исторіи Запада, какого еще у насъ не бывало (370). Съѣздъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ былъ первымъ у насъ общерусскимъ научнымъ дѣломъ (418). Юбилей Ломоносова былъ первымъ у насъ чисто общественнымъ торжествомъ (въ какомъ отношеніи? не въ гастрономическомъ ли, какъ главнымъ образомъ онъ означеновался обѣдомъ?) (с. 376). Наконецъ (с. 321), послѣ положенія 19 февраля никакой законъ не обрабатывался такъ старательно, какъ университетскій уставъ 1863 (помилуйте, г. историкъ, а судебные-то уставы 20 ноября 1864 г.; университетскій выработанъ въ десятеро меньшимъ числомъ лицъ и потребовалъ въ десять разъ меныше труда), за то и вышелъ этотъ уставъ, по словамъ записки, однимъ изъ совершенѣйшихъ у насъ произведеній законодательства. Какъ въ этомъ предложеніи, такъ конечно и въ нѣкоторыхъ предыдущихъ видна, если не ошибаюсь, споровка употреблять прилагательныя въ превосходной степени, и можетъ быть склонность къ амплификаціи, свойственная всяко му слогу восточному. Я не коснулся ни разу въ моихъ замѣчаніяхъ восточного факультета, хотя исключительно этому факультету посвящено 60 страницъ въ запискѣ; некоснулся потому, что неспециалисты лишены всякой возможности повѣрить, какой величины свѣтила вмѣщаются въ себѣ этотъ факультетъ и

долженъ на слово вѣрить ориенталистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ восточномъ факультетѣ есть знаменитости первостепенные, но все-таки желательно было бы видѣть въ запискѣ если нерѣшеннымъ, то затронутымъ вопросъ, какое вліяніе на успѣхъ изученія Востока произвело перенесеніе изъ Казани и сосредоточеніе въ С.-Петербургѣ громадныхъ средствъ, коими обладаетъ факультетъ, и соотвѣтствуютъ ли предположеннымъ цѣлямъ достигаемые результаты. На с. 253 есть одно извѣстіе весьма, въ этомъ отношеніи, неутѣшительное. Оказывается, что когда въ С.-Петербургѣ былъ приглашенъ знаменитый каирскій ученый арабъ Шейхъ Тантави, котораго славу разнесли по Европѣ его ученики французы, онъ не нашелъ въ С.-Петербургѣ слушателей (съ 1848 по 1858 г.), которые могли бы извлечь пользу изъ его преподаванія. Увидѣвъ съ вѣмъ имѣть дѣло, онъ сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ.

IV.

Если отдельныя сужденія о предметахъ и лицахъ запечатлены въ запискѣ отчасти восточнымъ колоритомъ, то рассказы о внутренней жизни университета и о случавшихся въ немъ переворотахъ носать характеръ можетъ быть средневѣковый, можетъ быть византійскій, но никакъ не современный, потому что всѣ события и всѣ перемѣны объясняются постоянно не свойствами предмета изслѣдованія, не присущими ему законами его развитія, но чисто вѣшними причинами, которыхъ являются нежданно, какъ *deus ex machina*, возмущая покой, прерывая мирныя занятія наукой и производя тѣ или другія катастрофы. Исторіи нынѣ никто такъ не пишеть. Никакая исторія не можетъ представляться произведеніемъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно — пассивное, тотъ человѣкъ, общество, учрежденіе или народъ, чьи судьбы изображаются, и другое — активное, вѣшнія случайныя события, которыхъ безпрепятственно и неотразимо совершаются свою лѣпную работу. Нѣть возможности рассматривать университетъ самъ по себѣ, а русское общество XIX вѣка само по себѣ — безъ всякаго живого ихъ другъ на друга воздействиа, а этого-то взаимодѣйствія живыхъ силъ именно и нѣть у г. Григорьева; оттого и катастрофы являются нежданно, негаданно, внезапно, какъ татъ, пробирающійся въ чужіе хоромы въ полночь за добычею. Послѣдовательность внезапныхъ катастрофъ, изъ которыхъ слагается, по понятіямъ г. Григорьева, исторія судебъ университета, представляется въ запискѣ въ сущности въ слѣдующемъ видѣ.

Небо было пасмурное, его заволакивало громовыми тучами, когда С. С. Уваровъ второпяхъ открылъ университетъ. Громъ грянулъ, имя ему было Руничъ; онъ опалилъ новое учреждение и оторвалъ нѣсколько вѣтвей, но не положилъ конца его существованію, и совершилась такимъ образомъ катастрофа первая. Виновать, ето-бы вы думали? Іезуиты, хотя и изгнанные изъ Россіи до происшествія, но вскорившіе яdomъ своихъ доктринъ многихъ сановныхъ питомцевъ (с. 9, 33, 44). Оно и легче на душѣ, по крайней мѣрѣ не свои виноваты, не свои, а чужie, остается только нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того, не были ли митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій тайные послѣдователи Лойолы, и нѣкоторое недоумѣніе насчетъ того, какими чарами и какимъ наважденiemъ злого духа могъ орденъ, неимѣющій все-таки корней въ Россіи, забрать такую силу надъ бѣдною русскою мыслью; весь же пріемъ, въ цѣломъ взятый, много теряетъ потому, что онъ есть вольное подражаніе въ иной формѣ знаменитому по своему успѣху пріему г. Каткова съ его всеобъясняющею польскою интригою.

Случилась февральская революція въ западной Европѣ (1848 г.). Она отразилась на университетѣ рядомъ строгихъ мѣръ, стѣснившихъ преподаваніе и выборное начало въ совѣтѣ, затруднившихъ пріемъ въ студенты. Случилась катастрофа вторая, которая свалилась — я въ этомъ совершенно согласенъ съ г. Григорьевымъ, какъ сѣгъ съ кровли на голову съ европейскаго Запада; но здѣсь-то именно всего умѣстнѣе было бы изобразить, какое могли въ сущности имѣть вліяніе на внутреннюю жизнь организма сжимающіе его наружные тиски, какъ спослѣдствіе оказался организмъ въ годину испытаній, какъ бережливо хранилъ онъ священный огонь любви и уваженія къ наукаѣ. Трудно было жить и дѣйствовать, но обновленіе съ силами было возможно, оно совершилось на яркой зарѣ нового царствованія. Тогда-то и общество окружило университетъ любовью и сочувствіемъ, и начался блестательный періодъ существованія университета, который выразился цифрою полуторы тысячи постоянныхъ посѣтителей (с. 305), и котораго значеніе не отрицаютъ и г. Григорьевъ на с. 127. Желательно было бы знать, какъ держаль себя совѣтъ въ тяжелые годы послѣ 1849 г. подъ благоразумнымъ началомъ своего опытнаго ректора Шлетнева, служившаго эгидою университету и студентамъ, когда внѣ университетской поліціи явилась тяжелая въ обыкновенное время по уставу 1835 г. попечительская власть. Слѣдовало бы возстановить въ болѣе опредѣлительныхъ очертаніяхъ характеристическую фигуру суроваго сенатора, рѣзкаго и грубаго въ манерахъ, добрака душою, и дать

понятіе о патріархальности отношеній междуд попечителемъ, со-
вѣтомъ и студентами, патріархальности, которая къ счастію без-
возвратно миновала, но кѣторая спасала во время бно отъ многихъ
невзгодъ и непріятностей. Наконецъ, въ запискѣ совсѣмъ
не обозначенъ переходъ отъ этого патріархального режима къ
управленію въ діаметрально противоположномъ духѣ князя Гри-
горія Щербатова, къ его широкимъ планамъ преобразованія
университета. Обходя многознаменательнымъ молчаніемъ дѣятель-
ность кн. Щербатова, авторъ записи съ одной стороны пресъкаеть
себѣ возможность объяснить смыслъ и мотивы устава 1863 г., въ
основаніе которого легли идеи университетской реформы, опредѣ-
лившіяся именно при пересмотрѣ устава совѣтомъ, по предложе-
нію князя Щербатова; съ другой стороны, авторъ теряетъ всякий
ключъ къ уразумѣнію смутъ 1861 г., такъ какъ всѣ эти смуты
имѣла свой корень въ недостаткахъ устава 1835 г., въ невозмож-
ныхъ въ 1858 г. отношеніяхъ между студентами и попечителемъ,
основанныхъ на патріархальности, и въ попыткахъ пересоздать
эти отношенія, предпринятыхъ впервые княземъ Щербатовымъ,—
въ разрѣшениі студентами корпоративной организаціи.

Опять просіали небеса, опять ободрился университетъ, подго-
товлялся единый уставъ, единый духъ и правительства и совѣта и
всѣхъ его членовъ въ усиліяхъ ихъ на пользу наукъ, какъ вдругъ
осенью 1861 г. начались смуты и приключилась катастрофа
третья (с. 127). И опять ставится роковой вопросъ: кто вино-
вать; и опять новое появленіе *dei ex machina*. Виновата-молъ прежде
всего литература, виноваты журналы да застольные спичи на тор-
жественныхъ обѣдахъ (308); они-то распространяли пагубную
философію, что цыплята умнѣе курицъ и дѣти заткнутъ за поясъ
отцовъ. Виноватъ-молъ затѣмъ злодѣй Фіцтумъ фонъ-Эштедтъ
за свою любовь къ музывѣ—онъ вѣдь первый затѣялъ въ 1847 пуб-
личные студенческіе концерты, за концерты пошелъ «Сборникъ»,
изданіе Сборника повело къ кассѣ, касса повела профессорскія
ченія въ пользу студентовъ; хлопоты по кассѣ, сборнику и лек-
ціямъ повели къ тому, что студенты перестали твердить записи,
работать и стали дѣлать сходки и вѣчевать. Въ этихъ хлопо-
тахъ *«мелчало и принижалось нравственное и гражданское чув-*
ство въ студентахъ» (с. 312), а вслѣдствіе этой деморализаціи
они и начали бѣситься (такъ сказать, отъ жиру) и произвели
извѣстный кавардакъ. Самой передряги г. Григорьевъ не опи-
сываетъ (онъ въ ней не участвовалъ), но совсѣмъ обратиться
желающимъ съ нею познакомиться *«хронологически»* къ весьма
вѣрному и правдивому повѣствованію (*risum teneatis amici!*) къ
«Панурговому Стаду», роману г. Всеволода Крестовскаго (прил. 502).

Конечно, г. Григорьевъ волѣнъ въ выборѣ вожатыхъ,—одно только можно сказать, что ему, являющему собою подобіе университетскаго Дацта при размѣщеніи отверженныхъ и блаженныхъ по разнымъ кругамъ университетскаго неба и преисподней, подобало избрать въ Виргиліи кого-нибудь посолиднѣе, а то, еслибы живъ былъ Конрадъ Лиліеншвагеръ, какъ издѣвался бы онъ надъ тѣмъ, что торжественная симфонія, начавшаяся съ *andante*, кончилась игривымъ финаломъ въ родѣ Оффенбаха, чѣмъ-то въ родѣ свистопляски, рука-объ-руку съ романистомъ «Русскаго Вѣстника», г. Всев. Крестовскимъ — онъ же и авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», а отнынѣ—источникъ для официальныхъ историковъ петербургскаго университета.

Г. Григорьевъ можетъ быть какого угодно мнѣнія объ университетскихъ событияхъ; жаль только, что къ этому мнѣнію подвѣшенъ авторитетъ юбилейной комиссіи и университетскаго совѣта, въ которомъ большинство членовъ помнить очень хорошо 1861 годъ и знать события несравненно лучше г. Всеволода Крестовскаго. Г. Григорьеву я и не сталъ бы и отвѣтить, потому что имя его связано теперь неразрывно съ именемъ автора «Петербургскихъ Трущобъ»; но г. Григорьеву, какъ официальному историографу отъ совѣта, я не могу отпустить его изложенія фактовъ и его выводовъ. Бываютъ положенія, въ которыхъ молчать грѣшно, потому что когда пройдетъ время и выбудутъ живые свидѣтели, всякое опроверженіе можетъ сдѣлаться, по запоздалости, напраснымъ; само молчаніе, въ минуту когда надо было спорить, превратится въ обстоятельство, подрывающее довѣріе къ запоздалому опроверженію. Вотъ почему я, послѣ зрѣлаго раздумья, рѣшился современемъ противопоставить разсказу г. Григорьева, по «источникамъ», мой разсказъ о происшествіяхъ 1861 г. по личнымъ воспоминаніямъ, и совершенно независимо отъ г. Всев. Крестовскаго; при этомъ я сохраню надежду, что мои бывшіе товарищи этого университета, къ которымъ я не могу питать иныхъ чувствъ кроме глубочайшаго уваженія, исправятъ въ моемъ разсказѣ неизбѣжныя порою неполноты и неточности.

В. Спасовичъ.

10 марта 1870 г.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТИЕ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію Совѣта университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока

В. В. Григорьевымъ. С.-Петербургъ. 1870.

V *).

Прошло десять лѣтъ со времени студентскихъ беспорядковъ въ Петербургскомъ университѣтѣ — периодъ, повидимому, достаточный для того, чтобы улечься страсти и начаться исторіи. Между тѣмъ, мы видѣли, что даже въ «Исторической Запискѣ» о Петербургскомъ университѣтѣ, составленной по порученію университетскаго Совѣта ординарнымъ профессоромъ В. В. Григорьевымъ, исторіографъ, коснувшись той эпохи университетской жизни, не нашелъ въ объясненію ея другого средства, какъ отослать читателей въ новѣйшему произведенію Всеволода Крестовскаго «Панургово Стадо». Мы очень хорошо понимаемъ, что со стороны г. Григорьева такая ссылка была не болѣе какъ полемическій приемъ, — недостойный его положенія исторіографа; г. Григорьевъ пожелалъ внести въ свою исторіографію тотъ же духъ, которымъ отличались фельетонисты извѣстнаго закала, исполняющіе данныя имъ особыя порученія. Конечно, было бы приличнѣе въ «Исторической Запискѣ», предназначавшейся быть памятникомъ пятидесятилѣтия университета, устраниТЬ фельетон-

*) См. выше, апр. 765 стр.

ные расчеты и отнеслись къ прошедшему спокойно, *sine ira et studio*. Такова, повидимому, была священная обязанность г. Григорьева; не знаемъ, почему онъ ею пренебрегъ, но во всякомъ случаѣ такое пренебреженіе съ его стороны возвлажаетъ на насъ прямую обязанность принести послѣднюю дань уваженія къ дорогой памяти мѣста лучшей нашей дѣятельности и избавить исторію любимаго нами университета отъ ссылокъ на нечистые источники, къ числу которыхъ нельзя не отнести романы г. Вс. Крестовскаго. Вотъ почему мы и рѣшились предложить съ своей стороны простую исторію того времени: такая исторія послужитъ, надѣемся, не только къ возстановленію истинъ, но и къ нѣкоторому назиданію.

Начало университетскихъ беспорядковъ скрывается въ цѣлой предшествующей эпохѣ и потому не можетъ быть связано ни съ какимъ отдѣльнымъ фактамъ. Къ концу 50-хъ годовъ, когда чрезвычайно быстро начала оживать внутренняя дѣятельность университета, совмѣстно съ оживленіемъ въ нынѣшнее царствованіе всей общественной жизни, различные, отдѣльные, часто маловажные случаи начали обнаруживать не разъ одно обстоятельство, которое при прежнемъ состояніи университета проходило незамѣченнымъ. Въ основѣ университета поконился Уставъ 1835 года, но на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ частностяхъ, онъ давно былъ отмѣненъ различными инструкціями, министерскими и попечительскими распоряженіями. Попечительство Мусина-Пушкина, занявшее собою десятилѣтіе 1845 — 55 г., расшатало окончательно силу Устава: власть попечителя рѣшала и опредѣляла все, а отъ Устава едва сохранилось нѣсколько параграфовъ въ цѣлости. По удаленіи Мусина-Пушкина, въ Совѣтѣ зародилась справедливая мысль о необходимости положить конецъ такому хаосу, сдѣлать сводъ различнымъ узаконеніямъ, съ тѣмъ, чтобы дать строго законное основаніе всѣмъ функциямъ и отношеніямъ жизни университета, которая, давно вышедши изъ рамокъ Устава 1835 года, въ послѣднее время начинала отражать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ столь памятное и во многихъ отношеніяхъ столь отрадное пробужденіе самой общественной жизни.

Попечительство князя Г. А. Щербатова началось именно такою работою, которая повела сама собою къ составленію цѣлого проекта реформы университетскаго устава. Пока собирались мнѣнія профессоровъ и разбирались въ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя, попечитель разрѣшилъ предварительно студентамъ учредить сборникъ, имѣть кассу, собираться, однимъ словомъ устроить то студентское корпоративное самоуправление, внезапное уничтоженіе котораго и послужило поводомъ къ ка-

тастрофѣ 1861 г. Общество студентовъ стало такимъ образомъ организоваться съ вѣдома власти, подъ наблюденіемъ попечителя, но безъ всякаго непосредственнаго вліянія на эту организацію ученаго университетскаго сословія, потому что по уставу 1835 г. весь надзоръ за студентами и вся университетская полиція переданы были попечителю и инспектору студентовъ, всѣ же отношенія профессоровъ къ студентамъ заключались въ чтеніи лекцій и производствѣ экзаменовъ. Справедливость требуетъ при этомъ сказать, что студентское общество устраивалось и существовало въ то время очень мирно и спокойно. Кто желалъ бы составить себѣ понятіе о добромъ оживленіи университетской молодежи той эпохи, тому могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ оставшіеся два тома студенческаго сборника, о которыхъ, какъ мы увидимъ, самъ г. Григорьевъ отзывается съ величайшею похвалою.

Съ выходомъ въ отставку князя Щербатова, попечительская власть перестала вникать въ студентское общество, перестала руководить имъ и контролировать, и продолжала жить эта община предоставленной сама себѣ. Съ 1860 года идетъ потому цѣлый рядъ маленькихъ происшествій, произвольныхъ движений, всышекъ и столкновеній съ попечительскою властью, которая, при нѣкоторомъ умѣніи взяться за дѣло, можно было бы и предупредить, и исправить, и направить къ лучшему. Въ октябрѣ 1860 г., кассиръ студентовъ Б. уличенъ былъ въ растратѣ 1000 р. изъ кассы, относительно которыхъ онъ отозвался, что потерялъ ихъ на улицѣ. Студенты ходатайствовали о томъ, чтобы имъ разрѣшено было привезти судѣ надъ провинившимся, и обратились ко мнѣ, какъ къ профессору уголовнаго права, съ просьбою руководить ихъ поестественному дѣлу. Я устроилъ, съ разрѣшеніемъ попечителя, нѣчто въ родѣ суда съ присяжными, обѣ общемъ введеніи котораго въ нашу жизнь тогда уже ходили слухи. Сходка выбрала пятерыхъ судей, обвинительный актъ составленъ былъ депутатами и редакторами сборника. Обвиняемый содержался въ карцерѣ и имѣлъ двухъ защитниковъ. Два засѣданія посвящены были разбору дѣла, спросу обвиняемаго и свидѣтелей, рѣчамъ обвиненія и защиты; потомъ я поставилъ вопросы, судьи удалились и послѣ полуторачасового совѣщенія, въ одиннадцать часовъ вечера, въ аудиторіи № XI, устроенной амфитеатромъ, среди глубочайшаго молчанія многочисленной, слѣдившей за исходомъ процесса публики, признали бывшаго кассира виновнымъ въ растратѣ денегъ и заслуживающимъ исключенія изъ университета. Потомъ это заключеніе представлено было начальству и утверждено попе-

чителемъ. Съ началомъ 1861 года волненіе между студентами усилилось, и наконецъ, 8 февраля 1861 г. на университетскомъ актѣ, когда профессоръ Костомаровъ долженъ былъ прочесть рѣчъ о К. Аксаковѣ, дѣло дошло до настоящихъ беспорядковъ. Высшее начальство распорядилось, чтобы для сокращенія акта рѣчъ эта не читалась, и чтобы актъ ограничился прочтѣніемъ отчета. Произошелъ шумъ, публика и студенты громко требовали рѣчи Костомарова, ректоръ съ трудомъ успокоивалъ толпу и успокоилъ ее только посредствомъ обѣщанія, что Костомаровъ прочтетъ свою рѣчъ въ формѣ публичной лекціи, что и было исполнено.

Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью, принимавшихъ все болѣе круинные размѣры. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ Совету никакого административнаго вліянія на студентовъ: въ попечительство Мусина-Пушкина, какъ мы замѣтили, власть попечительская забрала въ себя всю администрацію. Но беспорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ сдѣлалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію. Всѣдѣствіе письма попечителя къ пр. Кавелину, въ мартѣ составлена была комиссія изъ четырехъ профессоровъ, которой предоставлено было упорядочить студентскую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которыхъ объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности. Желая впередъ внушить безусловное довѣріе къ этимъ правиламъ, комиссія пригласила къ себѣ для выслушанія желаній студентовъ 8 человѣкъ, которые были выбраны студентскимъ обществомъ. Со дня открытія комиссіи всѣ беспорядки исчезли, и до конца апрѣля, когда проектъ правилъ былъ оконченъ, не было примѣра нарушеній порядка.

Члены комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Кавелина, составили проектъ по частямъ, читали составленное при студентахъ, дебатировали, исправляли, дополняли, и посредствомъ юридическихъ уступокъ приходили къ результатамъ, которыми хотя и неудовлетворялись вполнѣ представители студентовъ, но которыхъ они однакоже изъявляли совершенную готовность подчиниться. Роль, которую намъ пришлось бы играть при осуществлѣніи этой организаціи, все же была бы нелегкая, невеселая; но дѣло выиграло бы много, такъ какъ всякие дальнѣйшіе беспорядки были бы теперь нарушеніемъ правилъ, между тѣмъ, какъ до того времени студенты видѣли предъ собою одну только власть и волю начальства. Главныя черты проекта заключались

въ слѣдующемъ. Общая сходка подъ предсѣдательствомъ избираемаго на одинъ годъ профессора, обсуждающая дѣла касающіяся общества студентовъ и выбирающая должностныхъ лицъ по студентскому самоуправлению. Тотъ же профессоръ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ изъ 5-ти выборныхъ студентовъ, завѣдующемъ кассою, библиотекою, изданіемъ сборника. Всякое предложеніе сходки должно быть предварительно обсужденіемъ комитетомъ, отъ которого зависитъ допустить его или не допустить. Всякія иныя сходки строго запрещены. Судъ надъ студентами, изъ трехъ профессоровъ, долженъ рѣшать, безъ участія студентовъ, дѣла о проступкахъ, за которые полагаются арестъ или карцеръ, и съ участіемъ избираемыхъ по жребію студентовъ, въ рожь присяжныхъ, дѣла о проступкахъ, влекущихъ за собою исключеніе изъ университета. Подробный уголовный уставъ грозилъ строгими взысканіями за всякія попытки не-университетской агитации. Весь планъ предполагаемаго устройства разсчитанъ былъ на то, что его вынесетъ на своихъ плечахъ масса, состоящая изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, нежели активныхъ; натуры же горячія, порывистыя придется обуздывать сильными домашними мѣрами, не прибѣгая къ публичной власти; наконецъ, въ виду новыхъ порядковъ, они и сами оставили бы университетъ.

Само-собою разумѣется, что наши правила составлялись исключительно въ томъ предположеніи, что общій характеръ управления университетомъ будетъ тотъ же, то-есть, что будетъ продолжаться система возможно мягкихъ мѣръ и преобразованія не внезапнаго, но весьма постепеннаго, причемъ сохранено будетъ изъ существующаго уже все, что только можно сохранить, а именно корпоративное устройство студентовъ. Мы понимали очень хорошо, что университетъ можетъ существовать безъ корпораціи студентовъ, но мы знали также, что корпорація студентовъ можетъ быть сдѣлана безвредною и можетъ приносить свою долю пользы, чьму служать примѣромъ университеты германскіе и изъ русскихъ Дерптскій. Извѣстно, что въ Германіи студентскія корпораціи даже совершенно отчуждаются студентовъ отъ всего, чѣмъ лежитъ вѣнчъ интереса ихъ студенческой жизни и совершенно охлаждаютъ ихъ къ политикѣ.

Проектъ правилъ былъ представленъ на разсмотрѣніе по-печателя, а отъ него пошелъ на утвержденіе министра. Между тѣмъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1861 г., внезапно перемѣнились и обстоятельства, и личный составъ управления, и система. Вышеупомянутый проектъ правилъ былъ оставленъ въ сторонѣ и даже заподозрѣнъ, какъ нѣчто вредное; во всякомъ случаѣ, ему не

дали никакого движенья. Новое министерство рѣшило составить новый проееть, въ основаніе которого должны были лечь началя, утвержденныя 31-го мая 1861 г. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды, чтѣ составляло издавна предметъ и нашихъ желаній и студентскихъ, запрещеніе всакихъ сходокъ, и ограничение числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебного округа. Появленіе распоряженія 31-го мая почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія адмирала Путятина и попечителемъ кавказскаго генерала Филипсона. Такъ какъ распоряженіе сдѣлано было въ самомъ началѣ университетскихъ каникулъ, то оно и прошло незамѣтно, но можно было предвидѣть, что внезапное упраздненіе студентскихъ учрежденій, уже несомнѣнныхъ съ распоряженіемъ 31-го мая, не обойдется безъ сопротивленія и беспорядковъ при открытии курсовъ послѣ каникулъ, а ограничение числа бѣдныхъ студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій, возбудить ропотъ въ массѣ ихъ товарищѣй ¹⁾.

VI.

Лѣтомъ 1861 года, я ѻздила за границу, и возвратившись въ августѣ, засталъ лекціи еще не открытыми. Всѣдствіе отпуска я не имѣла возможности принимать участіе въ лѣтнихъ засѣданіяхъ Совѣта и его работахъ, а эти работы были не малы. По закрытии лекцій, въ началѣ іюня, новый министръ предложилъ Совѣту университета обсудить, какъ можно скорѣе, мѣры для введенія въ дѣйствіе высочайшаго повелѣнія 31-го мая и составить правила для студентовъ. Для послѣдняго дѣла совѣтъ назначилъ особую комиссію изъ профессоровъ, оставшихся на вакації въ городѣ, подъ предсѣдательствомъ пр. Чебышова. Членами комиссіи были: пр. Чубиновъ, Стасюлевичъ, Сухомлиновъ, Утинъ, Андреевскій и Пыпинъ. Задача комиссіи была тяжелая: высшее начальство, безъ сомнѣнія, было воодушевлено лучшими намѣреніями въ томъ смыслѣ, что оно желало

¹⁾ Историч. зап. В. В. Григорьевъ, прим. 502: «Волненія эти—говорить г. Григорьевъ—могли имѣть источникомъ разныя побужденія, но несомнѣнно, что главнымъ къ нимъ поводомъ, въ глазахъ студентовъ, было требование новыхъ правилъ, которыми всѣ, безъ исключенія, студенты обязывались къ ежегодному взносу 50 руб. сер. за право слушанія лекцій, всѣдствіе чего лишались доступа къ высшему образованію всѣ тѣ молодые люди, которые не имѣли средствъ къ выполненію этого требования.»

возстановленія порядка; съ этой стороны, не могло быть и не было никакого различія между стремлѣніями начальства и профессоровъ. Но мѣры, предложенные начальствомъ къ достижению порядка, заключали въ себѣ новый источникъ безпорядковъ. Приходилось исполнить чужую, хотя и добрую волю, но, какъ было видно по всему, совершенно незнакомую съ новою для нея средой. При такомъ затруднительномъ и почти безвыходномъ положеніи, комиссія рѣшилась по возможности смягчить ту строгость закона, которая неизбѣжно повлекла бы за собою безпорядки и жертвы безпорядковъ, и примирить сколько возможно обязательный для университета требованія высшей власти съ условіями прежней студентской жизни; съ этою цѣлью комиссія заимствовала почти цѣликомъ отъ Дерптскаго университета его студентскія правила, извѣстныя тамъ подъ именемъ матрикулъ, которыя впослѣдствіи сдѣлялись столь ненавистными, совершенно независимо отъ воли ихъ составителей. Несмотря на все пристрастіе г. Григорьева, онъ однако даетъ понять, что матрикулы, составленные комиссіею, и матрикулы, введенныя въ дѣйствіе, были не одно и тоже: «Правила, составленныя означенною комиссіею — говорить г. Григорьевъ, представлены были 7-го августа, по одобреніи ихъ совѣтомъ, г. попечителю учебнаго округа. Сентября 2-го были онъ возвращены къ немедленному исполненію, съ нѣкоторыми перемѣнами (курсивъ автора), сдѣланными въ нихъ попечителемъ по указанію г. министра народнаго просвѣщенія». Вся сила и была именно въ этихъ «нѣкоторыхъ перемѣнахъ». Имя «матрикулъ» стало впослѣдствіи ненавистнымъ, именно потому, что съ ними соединилось представление о всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, которыя пали на университетскую жизнь съ новою системою, и которыя были закрѣплены тѣми «нѣкоторыми перемѣнами». Но возвратимся къ первоначальному содержанію матрикулъ.

Каждый студентъ долженъ былъ получить особую книжку, которая бы замѣняла ему прежній видъ на жительство и вмѣстѣ съ тѣмъ составляла бы для него памятную книжку: въ нее вписывались бы книги, взятые изъ библіотеки, экзаменныя отмѣтки и т. п. На первыхъ страницахъ книжки должны были помѣщаться правила поведенія и отношеній студента къ начальству и къ новому полицейско-административному устройству. Во главѣ этого устройства поставлены два новыхъ учрежденія, которыхъ мы давно добивались: избираемый совѣтомъ изъ среды его проректоръ, должностнуюющій замѣнить прежнаго инспектора студентовъ, и профессорскій судъ надъ студентами изъ трехъ ежегодно избираемыхъ судей-профессоровъ. Комміssія предложила разрѣшить каждому

подсудимому студенту взять себѣ въ защитники кого-нибудь изъ товарищѣй. Это обстоятельство повело бы къ тому, что судоговореніе было бы устное; дѣло разбиралось бы гласно, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ быть на судѣ студентовъ. Гласный судъ въ университетѣ при открытыхъ дверяхъ опережалъ бы судебнную реформу, которая имѣлась въ то время въ виду еще въ весьма неопределенныхъ предначертаніяхъ. Коммиссія не могла допустить сходокъ, формально запрещенныхъ повелѣніемъ 31-го мая; но такъ какъ новый законъ ничего не упоминалъ о студенческихъ кассахъ, читальнай, библиотекѣ, для завѣдыванія же этими учрежденіями нужны лица, то коммиссія рѣшила, что эти учрежденія будутъ завѣдываемы выборными изъ студентовъ. Выборное начало предполагало выборы, выборы предполагаютъ собраніе, слѣдовательно, по заключенію коммиссіи, разъ въ годъ имѣло бы мѣсто собраніе студентовъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ проректора и ректора для выборовъ и замѣщенія должностей. Касательно изъятія отъ взноса денегъ бѣдняковъ, неимѣющихъ средствъ вносить по 50 р. въ годъ за слушаніе лекцій, коммиссія ничего не могла постановить, въ виду прямого указанія закона; была только надежда, что эта мѣра окажется временною.

Въ чемъ же состояли «нѣкоторыя перемѣны», которымъ подверглись правила, по представленіи ихъ министру? Министръ исключилъ изъ проекта единственныя двѣ вещи, которыхъ могли хотя нѣсколько сгладить переходъ отъ существующаго къ новому порядку, а именно защиту на судѣ и выборы на должности. Завѣдывающихъ кассою, библиотекою и т. д. долженъ быть назначать, изъ среды студентовъ, по своему усмотрѣнію проректоръ. Въ тоже время въ проектѣ включены подробности хотя и второстепенные, но не совсѣмъ понятныя по своей цѣли и назначению. Возстановлены переходныя испытанія съ первого курса на второй. Всякій студентъ, невыдержавшій переходнаго экзамена, долженъ быть подлежать исключенію изъ университета. Профессорскій судъ увеличенъ присоединеніемъ къ тремъ профессорамъ-судьямъ депутатовъ, по два отъ каждого факультета, къ которому будутъ принадлежать подсудимые. Служители аудиторій или педеля, которыхъ предполагала ввести коммиссія и которыхъ она хотѣла одѣть въ черные фраки съ серебряными пѣрами на плечахъ, получили подробнѣ описанный полувоенный мундиръ и право ареста. Между тѣмъ приближалось время открытия лекцій.

VII.

Ректоръ П. А. Плетневъ уѣхалъ давно въ маѣ, за границу и еще не возвращался. Должность ректора исправлялъ въ его отсутствіе деканъ филологического факультета Измаиль Иванович Срезневскій. Особыми повѣстками созваны мы были въ совѣтъ, въ самомъ началѣ сентября, подъ предсѣдательствомъ новаго почетчика, которому мы должны были быть представлены. Новый почетчикъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой онъ просилъ нась относиться къ нему не какъ къ чужому, потому что «мы здѣсь, какъ въ семье». Затѣмъ онъ сказалъ, что єдетъ отъ министра и везетъ въ корректурѣ послѣднюю редакцію правилъ для студентовъ, съ измѣненіями, подѣланными въ этой редакціи министромъ, и что эти правила онъ намъ прочтетъ. Передъ чтенiemъ кто-то изъ членовъ Совѣта спросилъ, окончательно ли утверждены эти правила и подлежать только исполненію, или могутъ быть измѣнены еще и дополнены, значитъ допускаютъ критику? Попечитель отвѣчалъ намъ просьбою дѣлать замѣчанія. Началось чтеніе статьи за статьею, прерываемое преніями и сужденіями, изъ которыхъ легко можно было видѣть, что Совѣтъ не совсѣмъ одобряетъ то, чего отъ него требуютъ, и не въ состояніи будетъ исполнить все то, чего отъ него ожидаютъ. Наши замѣчанія клонились къ тому, что измѣненія, сдѣланныя въ правилахъ, не практичны, а нѣкоторыя обременительны; что, напримѣръ, подвергать исключенію невыдержавшихъ экзамена, значитъ располагать экзаменаторовъ къ снисхожденію, между тѣмъ, какъ напротивъ того надлежитъ быть какъ можно строже въ требованіяхъ отъ экзаменующихъ студентовъ; что тяжело исключать бѣдняковъ за неимѣніе 50 р.; что проректоръ не можетъ назначать самъ по своему усмотрѣнію директоровъ кассы, библіотеки и т. д. Намъ отвѣтили, что выборное начало не можетъ быть терпимо, что если имъ обусловливается существованіе кассы, библіотеки, сборника, то эти учрежденія должны быть исключены изъ университета. За стѣнами университета они могутъ существовать на сторонѣ какъ угодно. Мы заявляли, что при подобныхъ условіяхъ едва ли найдется кто-либо изъ нась, кто бы взялъ на плеча тажелую должностъ проректора. Засѣданіе такъ и кончилось безъ какихъ бы то ни было результатовъ.

Вскорѣ потомъ послѣдовало предложеніе Совѣту избрать проректора изъ профессоровъ. Выборы должны были произойти 6-го сентября поутру.

По принятому обычаю, въ виду важности засѣданія пред-

стоящаго Совѣта, собралось около 10-ти членовъ на предварительное совѣщаніе. Вопросъ состоялъ въ томъ: есть ли возможность будущему проректору, при новой обстановкѣ, которую ему давали перемѣны въ правилахъ, дѣйствовать съ успѣхомъ? Сначала, одинъ Стасюлевичъ поддерживалъ мнѣніе, что отказываться отъ проректорства не слѣдуетъ, такъ какъ эта должность, при всей ея дурной обстановкѣ, даетъ, хотя и небольшія, средства къ защищать студентовъ отъ крайнихъ и крутыхъ мѣръ. Но доводы противнаго мнѣнія одержали верхъ: Стасюлевичъ уступилъ большинству, и всѣ единогласно рѣшили отказаться отъ проректорства, а на Стасюлевича возложили обязанность выразить нашу общую мысль въ Совѣтѣ 6-го сентября.

Засѣданіе Совѣта 6-го сентября было весьма замѣчательно, какъ предварительная проверка направленій въ средѣ самого Совѣта. Оказалось, что въ этой средѣ на безусловную поддержку во всѣхъ мѣропріятіяхъ попечитель можетъ разсчитывать только со стороны трехъ, четырехъ человѣкъ; всѣ остальные присоединились къ взгляду, высказанному на предварительномъ совѣщаніи. Какъ ни блестательно было въ материальномъ отношеніи положеніе, предназначаемое проректору, никто не рѣшался брать на себя эту тяжесть, зная, что ему надо идти на открытую войну со студентами, и что Совѣтъ не можетъ стать за него грудью. Рѣчь Стасюлевича произвела впечатлѣніе: въ ней проводилась параллель между профессорскимъ проректоромъ по проекту комиссіи и чиновническимъ проректоромъ по редакціи правилъ, передѣланыхъ министромъ. Очевидность невозможности держаться на этомъ постѣ была столь велика, что каждаго по одиночкѣ изъ людей сколько-нибудь способныхъ занять этотъ постъ Совѣтъ упрашивалъ взять его, но не нашлось охотниковъ. Совѣтъ подписалъ единогласно протоколъ въ которомъ было выражено, что Совѣтъ не можетъ представить ни одного кандидата для занятія должности проректора по причинѣ труднаго положенія, въ которое поставленъ будетъ проректоръ по *измѣненнымъ* правиламъ для студентовъ.

Постановленіемъ Совѣта опредѣлилась и на будущее время его пассивная роль; но другой роли не могло и быть среди готовящихся событій. Совѣтъ не рѣшался выйти изъ того положенія, которое ему принадлежало по уставу 1835 года и не принялъ предлагаемыхъ ему административно-полицейскихъ обязанностей по отношенію къ студентамъ, потому что предвидѣлъ послѣдствія крутого перелома: онъ нашелъ себя вынужденнымъ остаться въ сторонѣ. Съ минуты, когда дѣло рѣшительно пошло на безусловное, безъ всякихъ смягченій, упраздненіе

ніе студентскихъ учрежденій, благоразуміе требовало заручиться силою, достаточною для охраненія порядка, но это-то послѣднее обстоятельство и было упущено изъ виду. Намъ объявили, что за отказомъ профессоровъ принять на себя званіе проректора, исправлять его должностъ будетъ бывшій инспекторъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ. Онъ вмѣстѣ съ субъ-инспекторами долженъ быть блюсти порядокъ, раздавать матрикулы. Библіотеку и кассу предполагалось отдать на руки кому-либо изъ студентовъ, для поступленія съ ними какъ хотятъ. Упраздненію подлежали и публичные лекціи, и концерты; какъ тѣ, такъ и другіе признаны ненужными и отрывающими молодыхъ людей отъ ихъ учебныхъ занятій. Попечитель не согласился на предложеніе Кавелина созвать въ послѣдній разъ студентовъ съ тѣмъ, чтобы объявить объ упраздненіи студентской корпораціи и дать имъ возможность распорядиться находящимся въ стѣнахъ университета ихъ общественною собственностью. Попечитель распорядился открыть курсы съ 17-го сентября, хотя новые правила для студентовъ не только не были имъ объявлены, но не были даже и напечатаны, такъ что студентамъ представлялась такимъ образомъ полная возможность защищаться неизвѣстностью о новыхъ, вводимыхъ начальствомъ порядкахъ. Однимъ словомъ, подняли занавѣсь, когда еще сцена не была готова, а потому не мудрено, что на сценѣ появились тотчась незваныя дѣйствующія лица.

VIII.

Курсы открыты были въ воскресенье, 17-го сентября. Послѣ молебствія, студенты составили сходку, отправили депутацію къ попечителю, прося его пожаловать на сходку и ходатайствуя о поясненіи имъ, въ чёмъ состоятъ новые порядки. Попечитель отвѣчалъ депутатамъ иронически, что онъ не ораторъ, и совѣтовалъ имъ заняться науками, а не сходками. На слѣдующій день (18-го сентября) читались лекціи, но сходка все-таки собралась въ одной изъ пустыхъ аудиторій; тоже происходило во вторникъ и среду, въ четвергъ и пятницу, съ тою только разницей, что въ каждыі послѣдующій день собравія были шумнѣе и волненіе возрастило. Не зная какъ поступить, мѣстная власть показывала видъ, что она ничего не знаетъ о происходящемъ. На наши запросы И. И. Срезневскій говорилъ, что ему о сходкахъ ничего не извѣстно. Ни инспекторъ, ни субъ-инспектора не показывались на сходкахъ; наконецъ, въ пятницу, послѣдовало распоряженіе запереть на ключъ тѣ аудиторіи, гдѣ лекціи не чи-

таются, чтобы такимъ образомъ сходкѣ негдѣ было происходить. Нашедши пустыя аудиторіи запертыми, студенты поднялись на верхъ къ дверямъ большой актовой залы. Двери уступили давленію множества рукъ, распахнулись, молодежь хлынула въ залу и стала разсуждать, посыпала депутатовъ къ И. И. Срезневскому, приглашала его въ залу. На этотъ разъ студенты толковали только объ участіи своихъ товарищей, которые по бѣдности не могли больше пользоваться правомъ дарового слушанія лекцій, и желали просить ректора именно по этому дѣлу. И. И. Срезневскій явился, успокоивъ, но не успѣлъ заставить разойтись; до него доносилось не одно непріятное выраженіе. Въ 4 или 5 часовъ вечера, когда университетъ опустѣлъ, происходило, въ присутствіи попечителя съ университетской поліціей, освидѣтельствованіе дверей залы, написанъ былъ протоколъ о слѣдахъ взлома. По докладу попечителя рѣшено было тогда же прекратить чтеніе лекцій, закрывъ на время университетъ. О сходкѣ субботней и о ея послѣдствіяхъ мы сами узнали въ первый разъ только на слѣдующій день, 24-го сентября, въ 10 часовъ утра, при торжественномъ представлениі новому министру народнаго просвѣщенія всего университетскаго ученаго сословія и преподавателей гимназій города С.-Петербурга. Тогда только въ первый разъ мы увидали ministra.

Торжественность минуты придавала особенное значеніе каждой подробности приема. Г. министръ былъ взволнованъ, когда произносилъ рѣчъ, съ которой онъ къ намъ обратился. Произносилъ онъ ее медленно, съ остановками, какъ будто бы ожидая отвѣтовъ. Онъ говорилъ намъ то самое, что уже выражено было въ одномъ изъ первыхъ его циркуляровъ, а именно, что онъ старается всячески обѣ улучшенніи материальнаго нашего быта и увеличеніи содержанія; онъ выразилъ ту мысль, что высшее образованіе не должно быть даровое и что за него должны платить тѣ, которые имъ пользуются, потому что въ противномъ случаѣ оно будетъ обременять неучаствующіе въ немъ низшіе классы населения; наконецъ, онъ приглашалъ насть употребить наше нравственное вліяніе на студентовъ для удержанія ихъ отъ беспорядковъ и помочь такимъ образомъ правительству. Рѣчь ministра выслушана была среди мертваго молчанія. Одинъ только И. И. Срезневскій по окончаніи ея, принимая на себя роль ходатая за студентовъ, просилъ ministra о снисхожденіи и о томъ, чтобы не были наказываемы и не страдали всѣ учащіеся молодые люди за вину немногихъ изъ нихъ. Представлениe скоро кончилось, извѣстіе о закрытии университета пронеслось съ быстротою по всему городу. Такъ какъ засѣданія Совета проходили по поне-

дѣльникамъ, значитъ намъ приходилось собраться въ слѣдующій же день вечеромъ, 25-го сентябрь, то нѣсколько человѣкъ товарищей-профессоровъ, бывъ вечеромъ у К. Д. Кавелина, принимавшаго знакомыхъ по воскресеньямъ, согласились, что слѣдуетъ взять починъ возбужденія слѣдствія надъ студентами за беспорядки 23-го сентября и подать въ этомъ смыслѣ предложеніе Совѣту.

Перехожу теперь къ описанію событій 25-го сентября, которые подраздѣляются на весьма извѣстное шествіе студентовъ въ Колокольную улицу и на гораздо менѣе извѣстное засѣданіе Совѣта.

IX.

Чтобы понять эти событія надо принять въ соображеніе: 1) что у студентовъ была уже давно своя готовая организація, въ редакторахъ и депутатахъ по кассѣ. Кроме того, они имѣли полную возможность устроиться кружками въ теченіи того потеряннаго для лекцій полумѣсяца, который предшествовалъ открытию курсовъ. Сговорившихся какъ дѣйствовать была можетъ быть не полная сотня, но она-то и давала цѣлому движенію тонъ и направленіе. 2) Надо также вспомнить, что въ обществѣ петербургскомъ начала шестидесятыхъ годовъ было сильное расположение къ студентамъ и ко всѣму вообще движенію, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось; легальныхъ или даже не совсѣмъ легальныхъ. Въ исторіи петербургскаго общества весь періодъ отъ Крымской войны до настоящей минуты можетъ быть раздѣленъ на двѣ почти равныя половины. Первая часть этого періода представляетъ собою работу мысли, законодательную подготовку всевозможныхъ реформъ, изъ которыхъ крестьянская стѣяла на первомъ планѣ, а судебная на второмъ; полный разгуль самыхъ смѣлыхъ надеждъ, при которомъ невозможное казалось легко осуществимымъ. Вторая часть представляетъ медленное введеніе въ дѣйствіе реформъ, работу дробную, мелкую, практическую. Между обѣими частями точно глубокую борозду провели 1862 и 1863 годы, когда открыто высказалось обратное движение, начавшееся собственно еще раньше: нѣсколько единичныхъ примѣровъ увлеченія въ средѣ русскаго общества, а потомъ въ особенности польскій вопросъ, заставили большинство отказаться отъ всякаго либерализма, послѣ чего, эти недавніе либералы стали стольже крайними реакціонерами. Университетская исторія совпадала съ самыми сильнѣйшимъ разгаромъ умственного движенія,

нія въ обществѣ, движеніемъ, которое произвело крестьянскую реформу и другія преобразованія и не унималось, хотя видимо наставали другія времена. Это настроение общества отражалось и на студентахъ; съ другой стороны, оно вселяло въ студентахъ надежду, что на ихъ сторонѣ будетъ общественное мнѣніе столицы.

Не бывъ свидѣтелемъ шествія въ Колокольную улицу, я опишу его по тому, что слышалъ отъ очевидцевъ. Съ ранняго утра огромныя толпы осаждали университетъ, кто за книгами въ читальную, кто для занятій въ кабинетахъ, большинство подъ видомъ того, что оно является освѣдомиться у начальства, почему закрытъ университетъ и какъ долго будутъ они лишены преподаванія лекцій и обречены на бездѣйствіе. Въ университетѣ не пускали никого. Попечитель находился въ своемъ кабинетѣ (который онъ избралъ себѣ въ зданіи университета), но вельми сказать, что его нѣть.—«Такъ какъ попечителя нѣть въ университѣтѣ, то пойдемте къ нему на квартиру въ Колокольную», сказали другъ другу молодые люди и отправились по нѣсколькою человѣкамъ въ рядъ длинною колонною чрезъ Невскій Проспектъ, сопровождаемые множествомъ любопытныхъ, не постигающихъ цѣли этой процессіи. Квартира попечителя въ Колокольной охранялась полиціею и жандармами. Такъ какъ студенты двигались весьма медленно, то пока они дошли до Колокольной, уже тамъ были с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ Игнатьевъ, оберъ-полиціймейстеръ Паткуль и рота стрѣлковаго батальона, шедшая занимать караулы и остановленная на пути. Столкновеніе вооруженной силы со студентами могло произойти съ минуты въ минуту, когда появился на улицѣ и самъ попечитель, юдущій изъ университета слѣдомъ за студентами.—Попечитель явился миротворцемъ, просилъ военное начальство и полицію воздержаться отъ всякихъ дѣйствій и не вмѣшиваться въ его такъ-сказать семейное объясненіе со студентами; студентамъ онъ объявилъ, что не можетъ принять ихъ у себя, но готовъ объясниться съ ними въ университѣтѣ, куда онъ намѣренъ тотчасъ же отправиться. Студенты отнеслись къ этимъ словамъ недовѣрчиво, таѣ что для доказательства, что онъ говоритъ искренно, попечитель пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи студентовъ на Невскій, и только близъ Гостинаго двора ему можно было сѣсть на дрожжи, которыя прослѣдовали потомъ, подъ эскортомъ студентскимъ, шагъ за шагомъ чрезъ Дворцовый мостъ въ университетѣ. Въ университетѣ его поджидали в. г. г. Игнатьевъ, о.-п. Паткуль; изъ профессоровъ присутствовали только И. И. Срезневскій и А. В. Никитенко. Совѣщанія происходили внизу, въ длинной

комнатѣ Совѣта. Студентамъ, остававшимся на улицѣ и на дворѣ университета, предложено объяснить свои требованія посредствомъ депутатовъ. Студенты выбрали трехъ депутатовъ, но не иначе, какъ получивъ отъ попечителя увѣреніе, что эти депутаты не будутъ арестованы. Депутаты были спрошены о томъ, подчиняются ли студенты раздачѣ имъ матрикулъ. Депутаты отвѣчали, что приемъ матрикулъ послѣдуетъ со стороны студентовъ только по необходимости и безъ всякаго намѣренія исполнять ихъ. Вопросъ о матрикулахъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Желая успо-воить студентовъ и заставить ихъ разойтись, попечитель выра-зилъ надежду, что курсы будутъ открыты на слѣдующей недѣ-лѣ, 2-го октября. Толпы разсѣялись и къ четыремъ часамъ уни-верситетъ уже опустѣлъ.

Въ 6 часовъ вечера, въ той же комнатѣ Совѣта внизу, зани-той во всю ея длину столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сталъ собираться университетскій Совѣтъ. Большинство его членовъ только теперь узнавало о происшедшемъ. И. И. Срезнев-скій предупредилъ, что засѣданіе будетъ происходить въ присут-ствіи попечителя. Явился г. попечитель и открылъ засѣданіе рѣчью, которой содержаніе было почти слѣдующее: «Послѣ пе-чальныхъ событий вынѣшняго дня вы, м.м. г.г., конечно сами убѣждены, что правительство не уступитъ ни на шагъ; всякая уступка была бы слабостью. Матрикулы должны быть введены, правила для студентовъ должны быть приведены въ исполненіе, но такъ какъ и. д. проректора и его помощники дискредитированы, то министръ рѣшилъ возложить раздачу матрикулъ на болѣе влѣ-тительныя лица, то-есть на самихъ профессоровъ. Матрикулы должны быть раздаваемы въ засѣданіяхъ факультетовъ. Деканъ каждаго факультета будетъ ихъ раздавать торжественно студен-тамъ своего факультета по очереди, отбирая отъ каждаго сту-дента честное слово, что онъ подчинится правиламъ содер-жимся въ матрикулахъ. Отказывающійся дать это слово будетъ исключенъ. Отношенія давшихъ слово къ начальству будутъ основываться такимъ образомъ на добровольномъ подчиненіи и уговорѣ».

Всѣ замолкли, чувствовалось приближеніе весьма рѣшитель-ной минуты. К. Д. Кавелинъ прервалъ это молчаніе замѣча-ніемъ, что профессорамъ неудобно и даже невозможно раздавать правила, противъ редакціи которыхъ они имѣли основаніе проте-стовать, и которые считаютъ точно также и теперь неудобоиспол-нимыми. На это замѣченіе послѣдовалъ категорический отвѣтъ, что государственная служба имѣетъ свои требованія, и что кто не хочетъ нести обязанностей ея, воленъ ее оставить. Затѣмъ пошли

жныя замѣчанія со стороны другихъ членовъ Совѣта. Заявлено было между прочимъ, что полицейскія обязанности не входятъ въ кругъ дѣятельности профессоровъ по уставу 1835 г., а другого устава пока не существуетъ; что въ самихъ матрикулахъ написано, что матрикулы раздаются студентамъ проректоромъ, слѣдовательно неудобно при самомъ введеніи матрикуль нарушать одну изъ первыхъ статей правиль, отбирай въ тоже время слово отъ студентовъ, что правила будутъ со всею точностью исполняться. Дѣлаемы были замѣчанія, что раздача матрикуль профессорами, обнаруживая непослѣдовательность со стороны Совѣта, уронить его совершенно задаромъ, нисколько не содѣйствуя цѣли предполагаемой начальствомъ и не принося никакой пользы правительству. Протестующихъ голосовъ было много, предложеніе попечителя поддерживали только трое: Срезневскій, Никитенко и Савичъ. Такъ какъ единогласія далеко не было, то попечитель потребовалъ, чтобы его предложеніе пущено было на голоса. Голосованіе было открытое, результатъ его былъ таковъ, что за предложеніе попечителя подано было 14, а противъ него 15 голосовъ¹⁾. Этотъ результатъ вышелъ въ противность всѣмъ ожиданіямъ; предложеніе пущено было на голоса совсѣмъ неожиданно, и при отбираніи голосовъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ словъ попечителя К. Д. Кавелину, подразумѣвалось, что вотировать *противъ*, значитъ тоже самое, что *подавать въ отставку*. Попечитель былъ видимо пораженъ и сказалъ, послѣ минутнаго размышенія: «М.м. г.г., я бы могъ присовокупить мой голосъ въ 14 голосамъ, причемъ бы образовалось 15 голосовъ противъ 15, а такъ какъ при равенствѣ голосовъ предсѣдатель даетъ перевѣсь, то мое предложеніе прошло бы, но я не желаю пользоваться этимъ преимуществомъ и находя, что мое предложеніе не нашло въ Совѣтѣ поддержки, доложу о случившемся министру». Попечитель послѣ этихъ словъ оставилъ засѣданіе.

Послѣ ухода его, засѣданіе продолжалось, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что происшедшаго, Совѣтъ принялъ единогласно два предложенія. Одно, приготовленное мною на канунѣ того дня, о томъ, чтобы Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшении ему нарядить слѣдствіе надъ виновниками въ беспорядкахъ²⁾. Другое предложеніе сдѣлано было Кавелинымъ. По

¹⁾ Галстунскій, Березинъ, Андреевскій, Утнинъ, Кавелинъ, Благовѣщенскій, Спассовичъ, Пыпинъ, Сухомлиновъ, Костомаровъ, Павловъ, Сомовъ, Мухлинскій, Стасюлевичъ и Бекетовъ.

²⁾ Такъ какъ у меня сохранилась черновая этой рѣчи, то я позволю себѣ помѣстить ее здѣсь:

этому предложенію Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему войти въ разсмотрѣніе вопроса, не могутъ ли быть допущены нѣкоторыя облегченія для бѣдныхъ студентовъ, относительно взноса 50-рублевой платы, разсрочкою платежей и тому подобными средствами. Мы разошлись поздно вечеромъ. Ночью того-

Ми. гг. Вчера г. министръ выразилъ желаніе, чтобы мы, члены совѣта, содѣствовали ему по мѣрѣ возможностей въ успокеніи волненія между студентами. Мы ничего не отвѣчали г. министру, потому что и отвѣтъ не могли, оно къ намъ обращался какъ къ совѣту іn согроте, мы не могли ему отвѣтить *viriter*. Но мы въ долгу отвѣтъ, и мнѣ кажется, что теперь всего удобнѣе обсудить, какъ могли бы мы исполнить ожиданія начальства. Я полагаю, что еслибы даже мы и хотѣли оставаться насыщенными зрителями совершающихся въ университѣтѣ событий, то мы бы не могли этого сдѣлать, не подвергаясь вполнѣ заслуженнымъ упрекамъ. Говорить, что въ субботу взломаны были двери, ведущія въ большую актовую залу; говорить, что на сходкѣ [студентовъ] оказано было неуваженіе къ лицу, которое должно считаться представителемъ совѣта и коему нанесенное оскорблѣніе мы должны принимать за наше собственное. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ спокойный занятие наукой невозможны. Если мы располагаемъ извѣстнымъ влияніемъ на наше юношество (а я полагаю, что мы располагаемъ, потому что къ каждому изъ насъ обращается множество студентовъ ежеминутно съ вопросами о томъ что имъ дѣлать), то мы должны употребить нынѣ это влияніе, въ противномъ случаѣ начальство можетъ насъ заподозрить въ попустительствѣ беспорядкамъ, въ злорадствѣ бездѣлѣїи и выжиданіи того, чтобы дѣла дошли до крайности и чтобы натянутая струна лопнула. Съ другой стороны, есть еще обстоятельство, которое не можетъ насъ не обезпокоивать—это судьба тѣхъ молодыхъ людей, надъ которыми теперь нависла гроза. Я полагаю, что обязанности наши не ограничиваются только чтеніемъ лекцій и производствомъ испытаній, что мы имѣемъ и другія, нравственные обязанности въ отношеніи къ нимъ. Мы не знаемъ, какія мѣры предполагаетъ въ отношеніи къ нимъ высшее начальство, можетъ быть Измайлу Ивановичу извѣстно что-нибудь объ этихъ мѣрахъ, можетъ быть министерство намѣreno само отъ себя нарядить слѣдствіе, можетъ быть оно намѣreno слѣдствіе и судъ поручить обыкновеннымъ судебнѣмъ властямъ, но можетъ быть оно и само еще не рѣшило какой путь избрать. Въ первыхъ двухъ случаяхъ намъ, конечно, дѣлать нечего, но въ послѣднемъ мы могли бы оказать огромную и ничемъ незамѣнную услугу министерству, университету и студентамъ, взявъ на себя инициативу въ дѣлѣ раскрытия и пресѣченія беспорядковъ. Мы это можемъ сдѣлать очень просто: просить, чтобы намъ дано было нарядить изъ среды себя комиссию для предварительного разбора дѣла о беспорядкахъ, случившихся 23-го сентября и представленія потомъ по этому дѣлу своихъ соображеній. Позвольте мнѣ изложить вкратцѣ всѣ выгоды, которыхъ мы могли бы извлечь изъ подобного образа дѣйствій.

Ссылаясь на вчерашнія слова Изм. Ив., я утверждаю, что въ беспорядкахъ, т.-е. въ сходкѣ, участвовала только меньшая часть молодежи, а между тѣмъ всѣ страдаютъ нынѣ отъ прекращенія лекцій. Желательно, чтобы эта остановка была такъ можно менѣе продолжительна. Наша инициатива можетъ сократить этотъ срокъ и ускорить развязку.

Исключимъ тѣхъ студентовъ, которые въ сходкѣ не участвовали, и остановимся на тѣхъ, кои участвовали. И изъ нихъ мнѣ кажется немногіе виноваты. Большинство увличено было любопытствомъ, неопытностью, заразительностью примѣра, наконецъ тѣмъ, что это время для студентовъ переходное и что тѣ, чтд нынѣ запрещается, весьма недавно составляло фактъ совершение законный. Намъ прежде всего надобно

же дни, съ 25-го на 26-е, арестовано человѣкъ 30 изъ студентовъ и вольнослушателей, считаемыхъ зачинщиками движения. Эти аресты коснулись преимущественно студентовъ, бывшихъ редакторами сборника или депутатами кассы за послѣднее время, причемъ не обошлось безъ весьма обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ промаховъ, состоящихъ въ томъ, что вместо настоящихъ дѣятелей задержано нѣсколько однофамильцевъ, и что вместо руководителей попались многіе люди совершенно невиновные въ агитации.

X.

Мѣры, предпринятые противъ предполагаемыхъ зачинщиковъ студенческаго движения, считались, повидимому, достаточными для постараться выгородить эту массу людей умекшихся и умеченныхъ, и поставить ихъ заѣтственности.

Затѣмъ останутся настоящіе виновные. Число ихъ вѣроятно не велико. Я не думаю, чтобы кто либо изъ насъ былъ того мнѣнія, что ихъ надобно оставить безъ всякаго взысканія, но я думаю, что взысканія, налагаемыя или предлагаемыя, будутъ справедливѣе и сообразнѣе съ виной, нежели взысканія, налагаемыя вѣ-университетскими властями. Насъ никто не заподозритъ въ желаніи дать произшествію преувеличенные размѣры. Намъ будеть руководить чистѣйшая любовь къ истинѣ во всей ея простотѣ. Мы не связаны и относительно средствъ взысканія. Гдѣ законъ уголовный грозить мѣрами, которыхъ могутъ отразиться на всей будущей жизни молодыхъ людей, мы можемъ употребить дисциплинарныя мѣры, болѣе краткія, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныя для охраненія на будущее время порядка. Притомъ недостаточно ограничиваться установленіемъ одной материальной стороны событий; справедливость требуетъ, чтобы быки уважены и вѣтъ тѣ второстепенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ усиливать или уменьшать вину, а этихъ обстоятельствъ никто не въ состояніи такъ хорошо оцѣнить, какъ мы, знакомые со всѣми подробностями быта студентовъ.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Мы имѣемъ весьма важное преимущество передъ всѣми властями вѣ-университетскими: намъ вѣрять студенты. Они полагаются на наши правосудіе, добросовѣтность и честность. Я разговаривалъ со многими студентами и узналъ, что изъ всѣхъ новыхъ учрежденій вводимыхъ нынѣ, одного они всего больше желали—профессорскаго суда; его не ввели до сихъ поръ, и полагаю, что это была со стороны начальства важная ошибка.

Меня спросятъ, можетъ быть, какъ будетъ дѣйствовать комиссія? Очень просто. Она призоветъ бывшихъ редакторовъ, депутатовъ, всѣхъ студентовъ, принимавшихъ въ сходкахъ болѣе или менѣе живое участіе; она ихъ переспросить, она попросить г. инспектора и его помощниковъ о сообщеніи надлежащихъ объясненій и сѣдѣній, потомъ представить дѣло съ своимъ заключеніемъ на обсужденіе Совѣту, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ далъ ему ходъ сообразнѣй съ тѣмъ, что было комиссіею обнаружено чего будуть требовать обстоятельства.

Можетъ быть наше представление о комиссіи не удостоится того, чтобы его уважили, но во всякомъ случаѣ мы очистимся носредствомъ него передъ собственностью и будемъ носить въ себѣ сознаніе, что мы сдѣлали все возможное для блага дорогого для всѣхъ наса университета.

увершеннія студентовъ, хотя опытъ доказалъ, что онъ далеко не были достаточными. Затѣмъ, что касается до той пассивной оппозиціи, которую попечитель встрѣтилъ въ средѣ Совѣта, постановлено было слѣдующее. Утромъ 26-го сентября, во вторникъ, разосланъ былъ намъ циркуляръ, въ которомъ сообщалось, что г. министръ, не довольствуясь общимъ результатомъ голосованія по предложенію попечителя, и принимая въ соображеніе, что не всѣ члены Совѣта присутствовали въ засѣданіи, желаетъ имѣть отъ каждого изъ членовъ Совѣта письменный отзывъ по этому вопросу съ изложеніемъ основаній его мнѣнія. Въ циркулярѣ были обстоятельно прописаны содержаніе предложенія попечителя и содержаніе мнѣнія К. Д. Кавелина, причемъ предлагаемо было каждому изъ насъ присоединиться къ одному изъ двухъ этихъ заключеній посредствомъ рапортовъ, которые должны были быть поданы И. И. Срезневскому въ среду, не позже 5 часовъ. Цѣль этого циркуляра, заставлявшаго профессоровъ высказаться категорически и документально, могла бы быть достигнута, и большинство голосовъ въ пользу предложенія попечителя, не образовавшееся 25-го числа, могло бы пожалуй теперь образоваться въ Совѣтѣ, если бы не встрѣтились два непреодолимых препятствія, на которыхъ циркуляръ, кажется, не разсчитывалъ: 1) думали, что студенты достаточно уврощены, между тѣмъ какъ ихъ движеніе развивалось и росло, молодежь жужжала точно пчелы, выгнанныя изъ улья, собирались кружки, предполагаема была со стороны студентовъ подача адресса и общее сходбище въ среду передъ университетомъ; 2) полагали, что большинство профессоровъ, состоящее изъ людей весьма спокойныхъ и дорожащихъ своимъ материальнымъ положеніемъ, не решится подтвердить по-одиночкѣ и на письмѣ своихъ голосовъ, данныхъ устно и въ собраніи совѣта. Между тѣмъ вышло совсѣмъ другое: къ намъ присоединились два-три человѣка изъ тѣхъ, которые были противаго намъ мнѣнія въ засѣданіи 25-го сентября. Такъ какъ голосованіе 25-го сентября раздѣлило довольно определительно наше ученое сословіе на два лагеря, причемъ въ нашемъ оказалось 15 человѣкъ, то эти 15 человѣкъ и были приглашены собраться въ среду утромъ въ мою квартиру для обсужденія, какой отвѣтъ дать на послѣдній циркуляръ. Во время нашихъ совѣщаній опять на улицѣ произошли событія, которыхъ обратили на себя все вниманіе и министерства и правительства, и заставили забыть о нашихъ отвѣткахъ, отнимая у нихъ всякое значеніе. Событія эти были слѣдующія.

Въ среду, около часу пополудни, толпа студентовъ, еще болѣе

многочисленная нежели въ предыдущіе дни, осаждала университетъ, домогаясь или того, чтобы выпущены были товарищи, или чтобы всѣхъ взяли подъ стражу и позволили раздѣлить участъ товарищѣй. Составленный въ этомъ смыслѣ адресъ подписывался на дворѣ университета. Произносились рѣчи, куча дровъ заступала мѣсто каѳедры. Множество любопытныхъ всякаго званія, офицеры и штатскіе, занимали всю набережную Невы. Носились самые нелѣпые слухи о томъ, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ сходки, и что воспитанники ихъ готовятся дѣлать демонстрацію и выручать такимъ образомъ студентовъ. Въ залѣ Совѣта находились военный генераль-губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ и министръ народнаго просвѣщенія (первое посыщеніе имъ университета). На-готовѣ была и вооруженная сила: полицейскіе, жандармы и батальонъ Финляндскаго полка, который, выстроившись передъ самимъ университетомъ, отрѣзъалъ студентовъ на дворѣ отъ студентовъ и публики на набережной. Чуть-чуть не дошло до столкновенія между войскомъ и студентами; наконецъ студенты разошлись около трехъ часовъ, войска возвратились въ казармы, но усиленные патрули ходили по Васильевскому острову весь вечеръ обходомъ; аресты продолжались. То, что происходило въ среду, повторялось регулярно, однообразно, по той же, можно сказать, программѣ и въ слѣдующіе дни: собирались студенты, являлась и полиція и войско, кончалось тѣмъ, что брали подъ стражу кое-кого изъ публики и изъ студентовъ и отправляли въ крѣпость, послѣ чего сборища разсѣявались съ приближеніемъ обѣденного времени. Прошла молва, что въ воскресенье, 1-го октября, на Невскомъ воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній будутъ сходиться, дружиться, изъявлять свое сочувствіе студентамъ. Демонстрація, конечно, не было, но по Невскому сновали толпы публики непроходимыя, отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, между тѣмъ, какъ военные караулы были усилены, войска стояли въ манежѣ 1-го корпуса и расположились по коридору и въ шинельной университета; сдѣлано было распоряженіе о подчиненіи вѣдѣнію генераль-губернатора двора, сѣней и нижняго корридора въ университетѣ. Само собою разумѣется, что эти приготовленія на всякий случай дѣлались не для студентовъ, а для публики, хотя въ сущности эта публика, при ближайшемъзнакомствѣ съ нею, оказалась бы совсѣмъ неспособною возбуждать какія бы то ни было опасенія. Для мужика, извоющика, купца движение студентское была вещь совершенно непонятная. Въ Москвѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ простонародье помогало арестовать и вязать студентовъ. Въ С.-Петербургѣ оно-

безучастно глядѣло, какъ «студенты бунтуютъ». Даже въ мелкомъ и среднемъ чиновничемъ классѣ, а также въ иныхъ группахъ петербургскаго общества, претендующихъ на извѣстную культуру, сочувствие къ студентамъ было весьма умѣренное, боязливое и, такъ, сказать, платоническое. Въ публике родилась мысль о томъ, что недурно бы составить адресъ и поднести его по возвращеніи Государя Императора изъ Крыма. На подписныхъ листахъ къ проектируемому адресу собрано около тысячи подписей, больше охотниковъ не нашлось, собиратели поплатились, и все предпріятіе потерпѣло страшнѣйшее *fiasco*.

XI.

Отъ студентовъ перехожу къ профессорамъ. Наше большинство совѣщалось, какъ я сказалъ, въ среду обѣ отвѣтъ на циркуляръ министра. Всѣ были согласны относительно содержанія отвѣта, каждый старался дать ему иную редакцію; впрочемъ, мы чувствовали, вслѣдствіе дошедшихъ до насъ слуховъ о томъ, что происходило на Васильевскомъ островѣ, что туча висѣвшая надъ нами прошла и что теперь никому нѣтъ собственно дѣла до нашихъ рапортовъ и донесеній. Тоже туча разражалась теперь надъ студентами, и такъ, какъ ежеминутно можно было ожидать какой-нибудь большой бѣды, кроваваго столкновенія, то мы рѣшили слѣдить за всѣмъ происходящимъ, собираясь ежедневно то у того, то у другого изъ насть поочереди, просить, ходатайствовать, стараться всячески о смягченіи по возможности зла нашимъ вмѣшательствомъ, не покидая въ тоже время строго легальной почвы и не выходя изъ предѣловъ, предоставляемыхъ намъ университетскимъ уставомъ. Тогда же, въ среду, мы отправили депутацію просить попечителя о сдѣланіи нѣкоторыхъ перемѣнъ въ правилахъ для студентовъ или покрайней мѣрѣ о непубликованіи ихъ (правила эти еще не были напечатаны). Попечитель выслушалъ депутацію, благодарила за совѣты, общалъ принять наши доводы въ соображеніе. Впрочемъ, правила уже печатались въ ту самую минуту и на слѣдующій день утромъ газеты помѣстили какъ подлинный текстъ правилъ, такъ и форму матрикуль.

Въ четвергъ, 28-го сентября, мы собирались у И. Е. Андреевскаго. Рѣшено было подать адресъ министру, ходатайствуя за арестованныхъ студентовъ. Редакція адреса была безукоризненно почитительна, въ такомъ тонѣ и духѣ, чтобы ее могли подписать всѣ члены Совѣта безъ различія партій. Члены ученаго универ-

ситетского сословія просили министра, какъ начальника, коего попеченію ввѣренъ университетъ, о возможномъ облегченіи участіи юношѣй, заслуживающихъ снисхожденія по молодости своей и неопытности.

Въ пятницу происходило еще большее собраніе у Н. М. Благовѣщенскаго, въ которомъ участвовали, кромѣ членовъ Совѣта, адъюнкты и доценты. Нашъ адресъ имѣлъ успѣхъ; его подписали не запинаясь всѣ, не исключая декановъ, и даже люди совершенно противныхъ нашему направленій (Ленцъ, Гофманъ, Воскресенскій, Савичъ, самъ Срезневскій). Дошло до нашего свѣдѣнія, что наряжена слѣдственная комиссія надъ студентами, и что депутатомъ назначенъ А. В. Никитенко. Мы отправили депутацію просить его, чтобы онъ отказался отъ этой должности, которая требовала юридическихъ познаній, такъ что выполнить ее могъ бы только кто-либо изъ членовъ юридического факультета.

Въ субботу, 30 сентября, наша депутація (по одному члену отъ каждого изъ четырехъ факультетовъ) поднесла адресъ министру, который принялъ ее весьма холодно и сухо. Депутатомъ въ слѣдствію назначенъ И. Я. Горловъ.

За отказомъ Совѣта отъ раздачи матрикулъ, необходимо было придумать иной способъ приведенія въ исполненіе правилъ для студентовъ. Рѣшено было осуществить эту раздачу посредствомъ городской почты. Послѣ 1 октября явились объявленія въ газетахъ о томъ, что, по распоряженію министра, студентамъ, желающимъ продолжать учиться въ университѣтѣ, предоставляется подать по городской почтѣ прошеніе на имя ректора съ просьбою о выдачѣ матрикулы, причемъ нежелающіе получить матрикулы предварямы были, что они вслѣдствіе неподачи просьбы въ срокъ зачислены будутъ выбывшими изъ университета и вся бумаги будутъ имъ возвращены по мѣсту ихъ жительства чрезъ поліцію. Это распоряженіе министерства поставило студентовъ въ тупикъ и породило между ними величайшее раздвоеніе и споры. Брать матрикулы или не брать? съ этимъ вопросомъ обращались къ намъ поминутно студенты. Мы совѣтовали студентамъ подчиниться и просить о выдачѣ матрикулъ. Мы имъ ставили на видъ, что всякое дальнѣйшее противодѣйствіе будетъ крайне безполезно и непрактично, что немыслимо, чтобы всѣ, изъ числа полуторы тысячи студентовъ, дѣйствовали за одно, тѣмъ болѣе, что между ними есть многіе, которые вполнѣ зависятъ, отъ своихъ семействъ, есть многіе, для которыхъ стипендіи даются хлѣбъ насущный и составляютъ единственное средство существованія. Изъ числа 1,500 найдется какихъ-нибудь 300 человѣкъ, которые во что бы то ни стало попросятъ матрикулъ или за

которыхъ просить будуть ихъ родители и родственники, а при 300 студентахъ университетъ можетъ существовать и даже существовалъ въ весьма недавнее еще время. Наши совѣты студентамъ не имѣли никакого успѣха, страсти дѣйствовали слишкомъ сильно, а извѣстно, что на страсть никакое убѣженіе не дѣйствуетъ. Кавелинъ получилъ множество ругательныхъ писемъ по почтѣ. Наші предсказанія студентамъ однако сбылись. До окончанія срока подано было до 500 прошеній о выдачѣ матрикулъ отъ студентовъ и вольныхъ слушателей. Многочисленность прошеній объясняется какъ тѣмъ разладомъ, который былъ неизбѣжно порожденъ между студентами вопросомъ о подачѣ прошеній по почтѣ, такъ и тѣмъ, что полиціи удалось наконецъ напасть на слѣдь организаціи, заправлявшей движеніемъ и выловить нѣкоторыхъ главныхъ руководителей, накрывъ одну изъ сходокъ и отправивъ до 19 человѣкъ въ крѣпость, гдѣ общее число заключенныхъ по студентскому дѣлу простипалось до 80 человѣкъ. Лишеннное многихъ предводителей, студентское общество раздѣлилось и сильно спорило. Маленькая драма видимо клонилась къ концу, къ развязкѣ.

XII.

Таково было положеніе дѣла, когда попечитель созвалъ опять Совѣтъ въ засѣданіе 8 октября, въ воскресенье въ 12 часовъ дня. Нижній коридоръ наполненъ былъ солдатами. Собрание было весьма многочисленное, почти въ полномъ составѣ. Возлѣ попечителя сидѣлъ только-что возвратившійся изъ-за границы П. А. Плетневъ. Попечитель сообщилъ, что открытие вновь университета, дѣло окончательно решенное, но начальство желаетъ выслушать мнѣнія профессоровъ насчетъ того, какого числа должны быть открыты курсы и какія мѣры должны быть предприняты для охраненія спокойствія внутри университета? Кавелинъ поставилъ вопросъ весьма понятный въ настоящемъ нашемъ положеніи: какъ наши совѣты и представленія повели только къ тому, что мы имѣли несчастіе навлечь на себя неудовольствіе начальства, можемъ ли мы и теперь говорить откровенно все то, что думаемъ, не опасаясь того, что слова наши будутъ истолкованы въ дурную сторону? Андреевскій и Стасюлевичъ замѣчали, что такъ какъ мы не участвовали въ распоряженіяхъ по закрытію университета, и такъ какъ мы собственно не знаемъ, существуютъ ли и нынѣ тѣ причины, которыхъ вызвали это закрытіе, то мы и сказать ничего не въ состояніи по этому во-

просу. Бесѣда видимо не клейлась и прерывалась ежеминутно. Попечитель озабоченъ быль соображеніями о томъ, сколько должно быть поставлено служителей аудиторій (педелей) для водворенія тишины въ университетѣ, пять, десять, или пятнадцать человѣкъ, на чтоб никто изъ насъ не могъ ничего ни посовѣтывать, ни объяснить. Наше молчаніе не удовлетворяло предсѣдательствующаго, который видимо ожидалъ еще чего-то, и не добившись коллективнаго отвѣта потребовалъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ что онъ думаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и о способахъ выйти изъ этого положенія? Плетневу приходилось говорить по порядку первому. Почтенный и искренно уважаемый нами старецъ произнесъ рѣчь, которая произвела на всѣхъ глубокое впечатленіе и которой сущность заключалась въ слѣдующемъ: «Я двадцать слишкомъ лѣтъ исправляю должностъ ректора, прошу довѣриться моей опытаности. Никакіе полицейскіе порядки не помогутъ и удвоенное или утроенное число служителей аудиторій не будетъ въ состояніи охранить порядокъ. Студентами можно управлять, но на то нужна извѣстная нравственная сила, силу эту надо найти, открыть и на нее опереться...» При этомъ случаѣ Плетневъ сталъ рассказывать про былое, приводить примѣры образцового порядка на лекціяхъ, экзаменахъ, и случаи, когда одно слово ректора, сказанное вѣ-время, успокаивало толпу и разсѣявало сходки.—Чего же вы желаете, господа? спросилъ попечитель. «Отмѣнѣ правиль и передачи намъ заботъ объ усмиреніи студентовъ.»—Это вещь невозможная, правительство не можетъ отступать разъ на что-нибудь рѣшившись. «О правительствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи,—отвѣчали ему; дѣло идетъ только о начальствѣ. Никогда не поздно сознать ошибку и сойти съ ненадлежащаго пути на надлежашій. Мы всѣ готовы оказать начальству всевозможную помощь и поддержку. Мы нисколько не заботимся о формѣ, лишь бы спасена была сущность. Начальство не желаетъ отмѣнить правиль, ихъ можно и не отмѣнять явнымъ образомъ, стоять только развязать намъ руки и предоставить намъ, Совѣту, дѣйствовать на нашу отвѣтственность. Мы выберемъ проректора, но этому проректору должно быть предоставлено право созывать студентовъ, выслушивать ихъ прошенія и жалобы, единичныя и коллективныя, спрашивать ихъ о предполагаемыхъ къ введенію порядкахъ, представлять проекты чрезъ Совѣтъ на утвержденіе къ министру, съѣхѣ которою увѣренностью, что министерство не откажется утвердить проекты, планы и правила организаціи студентовъ, кои будутъ приняты и одобрены Совѣтомъ. На этихъ основаніяхъ мы беремся и теперь возстановить пошатнувшійся порядокъ». Такія мнѣнія съ-

шались со всѣхъ сторонъ. Попечитель возражалъ, спорилъ, но встрѣчалъ всюду вполнѣйшее единодушіе.— Вы ставите, господа, на вѣсы: или университетъ, или Россія? «Нѣтъ, мы только спрашиваемъ: что вы предпочитаете имѣть, университетъ безъ матрикуль, или матрикулы безъ университета?»— Чѣмъ же дурны и неудобны матрикулы? кто ихъ получилъ, тотъ подчинился имъ, вольная воля всякому молодому человѣку войти на этихъ условіяхъ или не входить.

Одинъ изъ профессоровъ замѣтилъ на это, что теорія свободнаго договора не можетъ быть примѣняема къ подобнымъ отношеніямъ, потому что это повело бы къ разсмотрѣванію и самого государства, какъ договора,—то-есть поставило бы насъ на точкѣ зрѣнія давно всѣми покинутой. Притомъ не всякой такой мнимой договоръ свободенъ. Назначьте таѣсу на хлѣбъ по 1 рублю за фунтъ; сколько тысячъ людей умретъ съ голоду при такой мнимой свободѣ покупать хлѣбъ по таѣсу! Высшее образованіе также нужно, какъ и хлѣбъ насущный для общества, а на него наложена слишкомъ высокая такса для бѣдныхъ. — Слѣдовательно, это ваше общее мнѣніе, господа, мнѣніе всѣхъ васъ?— «Всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія!» (Никитенко, Савичъ были съ нами заодно). Попечитель сказалъ, что онъ доложить о происходившемъ министру, что наше заключеніе можетъ быть и резонно, но едвали будетъ принято. Тѣмъ кончилось послѣднее засѣданіе Совѣта по старому уставу 1835 года. Въ этомъ засѣданіи опредѣлительно и рѣзко поставленъ былъ вопросъ обѣ автономіи университета, которая не принадлежала университету по уставу 1835 г., но была понимаема нами какъ одно изъ условій будущей организаціи и осуществлена если не въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее понимали, то до извѣстной степени, однако, согласно нашимъ понятіямъ, въ уставѣ 1863 года. Еслибы намъ предоставили въ этотъ моментъ, согласно нашему заключенію, восстановить спокойствіе, взять волнующуюся молодежь въ руки законнаго порядка, то мы бы нашлись въ положеніи далеко неудобномъ и весьма непріятномъ, но мы бы пошли на проломъ и сдѣлали бы должное. Впрочемъ до того не дошло, таѣ какъ наше предложеніе не было принято. Изъ газетъ мы узнали, что университетъ будетъ открытъ въ среду, 11 октября. Особымъ циркуляромъ отъ 9 октября 1861, № 5335, мы были извѣщены о возобновленіи лекцій; циркуляръ оканчивался слѣдующими словами: «гг. профессорамъ должно быть объявлено, что правительство ожидаетъ отъ каждого изъ нихъ добросовѣстнаго и точнаго исполненія своего дѣла и не сомнѣвается, что они употребятъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ нихъ средства къ объясненію».

нію студентамъ ихъ обязанностей и къ отвращенію беспорядковъ, которыхъ возобновленіе можетъ повести къ печальной необходимости совсѣмъ закрыть университетъ».

XIII.

Не будучи пророкомъ, всякий могъ угадать и предсказать, что студенты сберутъ всѣ силы, чтобы произвести послѣднюю уличную демонстрацію передъ университетомъ по поводу его открытія. Прибавимъ къ тому, что погода какъ нельзя болѣе способствовала демонстрації, осень стояла великолѣпная, теплая, чрезвычайно рѣдкая для петербуржцевъ. Обѣ двери, ведущія въ университетъ, и малая отъ набережной Невы и большая со стороны биржевого сквера были снабжены крѣпкими замками и задвижками. У дверей стояли сторожа, не пускавшіе никого безъ предъявленія матрикуль. Въ среду, 11 октября, университетъ былъ почти совсѣмъ пустъ, ходило по коридорамъ какихъ-нибудь полсотни слушателей, да и изъ нихъ многіе совсѣмъ не заглядывали въ аудиторіи, а видимо желали только посмотретьъ, чтѣдѣлается въ университетѣ, и запугивая «матрикулистовъ» совѣтовали имъ не бывать на лекціяхъ. Въ четвергъ, 12 октября, пустота въ университетѣ была еще большая, лекціи не читались по полнѣйшему отсутствію слушателей, за то въ вогнутомъ полуокругѣ передъ парадною дверью университета, напротивъ сквера, стояла густая толпа молодыхъ людей «матрикулистовъ» и «нематрикулистовъ», насилино добивающаяся входа въ университетъ подъ разными предлогами, за книгами, бумагами, въ музей, лабораторію, канцелярію. Весьма многіе «матрикулисты», упрекаемые своими товарищами, отказавшимися подчиниться новымъ правиламъ, рвали свои матрикульные книжки и бросали ихъ на мостовую, такъ что пропасть бумагъ валась вдоль всего фасада университетскаго зданія. Вскорѣ потомъ за появлениемъ военной силы студенты, находившіеся въ полуокругѣ у двери, заключены были въ этомъ пространствѣ и отрѣзаны отъ площади тройною цѣпью полицейскихъ, конныхъ жандармовъ и солдатъ финляндскаго и преображенскаго полковъ. Безъ всякаго сопротивленія, по требованію команды, окруженные такимъ образомъ были отведены подъ эскортомъ на дворъ университета чрезъ заднія ворота этого двора со стороны Малой Невы и таможни, послѣ чего эти ворота были заперты. На дворѣ арестованные стояли некоторое время шутя, громко разговаривая, куря папироски, между тѣмъ, какъ полиція записывала ихъ.

фамилії. Въ 2 часа перепись была кончена, заднія ворота опять отворились и солдаты выстроились въ двѣ шеренги, чтобы конвоировать арестантовъ. Въ эту минуту вся биржевая площадь и набережная Невы усыпны были густыми толпами публики, среди которой сновали малыми группами студенты, не попавши подъ арестъ. Какъ только замѣчены были приготовленія для препровожденія арестантовъ въ крѣпость, разсѣянные вдоль всего протяженія университетскаго зданія свободные студенты хлынули къ заднимъ воротамъ проститься съ взятыми подъ стражу товарищами. На воздухъ взлетали кидаемыя вверхъ фуражки, дѣлаемы были знаки платками, раздались крики: «и мы съ вами! отведите и насъ въ крѣпость!» Данъ былъ приказъ оцѣпить и заарестовать кричащихъ; приказъ этотъ исполнила рота преображенцевъ, причемъ нѣкоторые студенты получили ушибы прикладами ружей, а кандидату естественныхъ наукъ Лебедеву нанесенъ былъ ударъ штыкомъ по головѣ до крови. Вторая кучка арестантовъ была вѣсколько больше первой, ее задержали и отправили вслѣдъ за первою въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости помѣщалось уже около сотни человѣкъ, къ нимъ прибыло сто человѣкъ первой и до 130 человѣкъ второй группы арестантовъ, освобождено около 30 человѣкъ, попавшихся случайно, оставалось 300. Такъ какъ въ крѣпости не было достаточнаго числа помѣщеній, то всѣ заарестованные 12 октября, въ четвергъ, отправлены на пароходахъ въ Кронштадтъ. Для производства слѣдствія наряжена особая комиссія, и депутатомъ отъ университета назначенъ въ эту комиссію И. Е. Андреевскій. Слѣдствіе началось въ октябрѣ, продолжалось въ ноябрѣ и, не дошедши до суда, кончилось тѣмъ, что 6 декабря 1861 г. по слѣдовала высылка пятерыхъ студентовъ, признанныхъ наиболѣе виновными, въ дальнія губернія подъ надзоръ полиціи и исключеніе изъ университета 32 человѣкъ, которымъ однако это обстоятельство не помѣщало держать потомъ экзаменъ на ученыя степени въ качествѣ вольныхъ слушателей.

Хотя университетъ продолжалъ считаться официально открытymъ, но въ сущности пользы отъ открытия было мало; по одному только физико-математическому факультету продолжались кое-какія занятія, по остальнымъ они совершенно прекратились, потому что даже студенты «матрикулисты» считали какъ бы священною обязанностію не бывать въ аудиторіяхъ, такъ что и мы, профессора, перестали ходить на лекціи. Притомъ даже и снабженная матрикулами молодежь обнаруживала, какъ мы предвидѣли, наклонности къ беспорядкамъ, были попытки дѣлать сходки въ курильной и на одной изъ нихъ под-

вергся оскорблению дѣйствіемъ кто-то изъ субъ-инспекторовъ. Университетъ, существуя только на бумагѣ, пересталъ работать въ дѣйствительности и пробылъ въ этомъ положеніи вплоть до 20 декабря, когда, по докладу министра народнаго просвѣщенія, онъ былъ вторично и окончательно закрытъ до пересмотра университетскаго устава. Это было едва ли не послѣднее дѣйствіе бывшаго министра. Тотчасъ же потомъ назначень былъ на эту должностъ А. В. Головнинъ.

Между тѣмъ, въ послѣднія пять-шесть недѣль управлениія министерствомъ гр. Путатина, пока разыгрывалась до конца студентская исторія, проходя различные фазисы, держался, соѣщался и дѣйствовалъ Совѣтъ университета. Совѣтъ, не будучи въ состояніи воспрепятствовать столкновенію высшей власти со студентами, старался только по мѣрѣ возможности смягчать мѣры строгости и ходатайствовать. Министерство вслѣдствіе того еще болѣе обвиняло большинство Совѣта если не въ томъ, что оно возбуждало и поддерживало беспорядки, то въ томъ, что оно не оказalo мѣрамъ правительства безусловной поддержки, на которую министерство видимо разсчитывало. Но послѣ развязки студентской исторіи и прекращенія на дѣлѣ всякихъ учебныхъ занятій, причины, соединившія воедино большинство членовъ, перестали существовать; каждый изъ его членовъ пошелъ своею дорогою, такъ что вопросъ о томъ, чѣмъ каждому дальше быть и чтобъ дѣлать? сталъ вопросомъ чисто индивидуальнымъ, рѣшаемымъ уже не коллективно, а каждымъ по разнъ, смотря по своимъ личнымъ взглядамъ, соображеніямъ и обстоятельствамъ. Нѣкоторые изъ настѣ нашли полезнымъ и согласнымъ съ обязанностями своими къ университету выжидать перемѣнъ, оставаться на мѣстѣ, сохранить свои способности и силы на будущее время. Ихъ ожиданія оправдались, перемѣны наступили довольно скоро; эти лица и теперь продолжаютъ въ университетѣ свою полезную учебную дѣятельность. Другіе же члены Совѣта сочли съ своей точки зрењія необходимымъ выйти изъ университета и подать прошеніе объ отставкѣ. Такая точка зрењія имѣла свои не менѣе важные основанія и побужденія, помимо вышеупомянутаго замѣчанія попечителя, напомнившаго намъ, что слѣдуетъ выходить въ отставку тѣмъ, кто считаетъ невозможнымъ исполнять приказанія по службѣ. Вообще тяжело и невыносимо было чувство невозможности помочь дѣлу, при самыхъ добрыхъ желаніяхъ и искреннихъ предложеніяхъ услугъ, которыхъ были однако, какъ мы видѣли, отвергнуты. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно было думать, что отставка наша поможетъ дѣлу хотя отрицательно, съ ущербомъ для насъ лично: проше-

ніе обѣ отставкѣ было уже не одно разсужденіе, а дѣйствіе: оно могло послужить доказательствомъ искренности нашего убѣжденія въ невозможности идеи новаго министерства, а слѣдовательно и въ необходимости иного порядка вещей. Къ числу профессоровъ, раздѣлявшихъ такое мнѣніе, принадлежали пять членовъ: К. Д. Кавелинъ, Б. И. Утинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и я. Не желая, чтобы нашъ выходъ имѣлъ видъ демонстраціи, мы рѣшились подать наши прошенія не разомъ, а по одиночкѣ. Прежде всего подалъ въ отставку Кавелинъ, потомъ я хлопоталъ о перемѣщеніи меня изъ университета въ училище Правовѣдѣнія на каѳедру уголовнаго права, чего и достигнулъ 4-го декабря 1861 г.¹⁾). Всѣ остальные подали прошеніе въ теченіе ноября. Всльдѣ за нами удалился и нашъ ректоръ Плетневъ.

¹⁾ Я позволю себѣ исправить одну, касающуюся меня неточность въ запискѣ г. Григорьева. Г. Григорьевъ исключаетъ меня изъ числауволенныхъ изъ университета по прошению въ концѣ 1861 г. (№ 508 ссылки, примѣчаній и дополненій) и приводитъ (№ 512), что я оставленъ за штатомъ въ іюлѣ 1863 г., изъ чего прямо слѣдовало бы заключить, что я пробылъ все время съ 1861 по 1863 г. и обѣ увольненія не ходатайствовалъ. Что это невѣрно, въ томъзываюсь я на нижеслѣдующа доказательства:

1) Въ атtestатѣ моемъ значится: согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія перемѣщенъ на службу и. д. профессора уголовнаго права въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія 1861 г. декабря 4-го.

2) У меня сохранилось официальное письмо отъ ректора П. А. Плетнева, отъ 9-го февраля 1862 г.: «Всльдѣствіе поданнаго вами прошенія обѣ увольненіи въась отъ службы при Спб. университетѣ, для представленія обѣ этомъ попечителю, я предварительно входилъ въ сношеніе съ директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, когда именно послѣдуетъ окончательное опредѣленіе вашаго высокоблагородія въ должность профессора означенаго училища. Такъ какъ это свѣдѣніе получено было 12-го декабря и всльдѣ затѣмъ послѣдовало 20-го декабря высочайшее повелѣніе о закрытии университета, по которому всѣ бывшіе профессоры оставлены были за штатомъ, то излишне было бы испрашивать разрѣшенія высшаго начальства на увольненіе въась отъ службы при закрытомъ уже Спб. университетѣ. Нынѣ по воспослѣдованію высочайшаго повелѣнія о предоставлѣніи права всѣмъ оставшимся за штатомъ профессорамъ Спб. университета причисляться къ министерству народнаго просвѣщенія съ правами учебной службы и съ сохраненіемъ прежнаго содержанія ихъ по службѣ въ университетѣ, я покорѣйше прому въась, м. г., доставить мнѣ къ 12-му сего февраля отзывъ вашъ о томъ, желаете ли вы быть причисленнымъ на изложенныхъ правахъ къ министерству народнаго просвѣщенія, или останетесь при прежнемъ желаніи вашемъ, выраженномъ въ поданномъ прошеніи обѣ увольненіи въась вовсе отъ службы при Императорскомъ Спб. университѣтѣ. Примите и т. д. П. Плетневъ.»

3) По сохранившейся у меня черновой, я отвѣчала слѣдующее: «Причины, заставившія менѣ просить въ октябрѣ прошлаго года о перевозѣ менѣ на службу въ Императорское училище правовѣдѣнія съ отчисленіемъ отъ Спб. университета, большую часть которой теперь не существуетъ, но не существуетъ также самъ универси-

XIV.

Этимъ я долженъ бы былъ закончить собственно разсказъ объ университетскихъ событіяхъ 1861 г., часъ сколько я былъ въ нихъ самъ дѣйствующимъ лицомъ и очевидцомъ; но не могу не прибавить при этомъ случай еще одну черту, характеризующую духъ времени, тогдашній либерализмъ и вообще пониманіе обществомъ сущности университетскаго вопроса въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

С.-петербургскій университетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до крушенія его въ 1861 году, былъ университетъ не нѣмецкій, не французкій, не англійскій, но свой, оригиналный, русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ былъ онъ на довольно широкихъ основаніяхъ, несмотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студентская община, узаконенная распоряженіемъ вніза Щербатова, не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ сороковыхъ годахъ. Программа кратковременнаго министерства графа Путятинаго состояла, сколько известно, въ томъ, чтобы преобразовать университеты въ закрытыя заведенія на подобіе англійскихъ, съ тьюторами, сожительствомъ студентовъ, и разными иными затѣями аристократическаго англійскаго воспитанія, переложенными на скорую руку кое-какъ на наши нравы. Въ странѣ, имѣющей мало преданій и не дорожащей ими, никто почти не отстаиваетъ учрежденія, которому грозить опасность, и частые переходы отъ одной крайности къ другой, составляютъ явленіе самое обыкновенное. Когда опасность стала грозить петербургскому университету, нашлись многіе, которые предпочли отдать его, не защищая, но такъ какъ они не желали все-таки имѣть закрытый университетъ, то они и противопоставили этому закрытому университету иной, какъ будто бы наилиберальнѣйшій изъ всѣхъ, какіе можно придумать, вольный университетъ

теть, въ которомъ, состоя, я могъ быть полезенъ министерству народнаго просвѣщенія моимъ преподаваніемъ уголовнаго права. Вотъ почему я не желаю быть причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія и имѣю честь почтительнѣйше просить ваше превосходительство дать ходъ прошенію моему объ отставкѣ.»

4) Отставки однако я не получилъ, потому что новый министръ, когда къ нему поступило дѣло объ увольненіи меня, предложилъ мнѣ принять участіе въ работахъ по составленію нового университетскаго устава, вслѣдствіе чего я и былъ причисленъ къ министерству приказомъ 7-го марта 1862 г. № 8. Въ ученомъ комитетѣ мнѣ была поручена разработка отдѣла о правахъ учащихся (см. Журналы засѣданій ученаго комитета по проекту устава университетовъ. С.-Петербургъ, 1862 г.).

à la française, по образцу и типу Collège de France, который не исключаетъ однако парижской Сорбонны, Школы права и Школы медицины; но это упустили изъ виду наши мыслители. Вмѣсто настоящаго учебнаго заведенія предлагаема была публикъ система безусловно открытыхъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ совершенно даромъ. Это учрежденіе никакого бы не подвергало испытанію, не раздавало бы ученыхъ степеней, не допускало бы никакой студентской корпораціи, потому что собственно оно и не вмѣщало бы въ стѣнахъ своихъ учащихся, а просто только на атомы разбитую и не образующую никакихъ группъ публику. Такъ какъ вольный университетъ представлялъ бы заведеніе столь же публичное, сколь публичны рынокъ, церковь, улица, то соблюденіе порядка лежало бы въ стѣнахъ его на обязанности обыкновенной городской полиціи. Этотъ проектъ, покрытый дешевымъ либерализмомъ точно лакомъ, прельщалъ людей не очень разборчивыхъ изъ публики тѣмъ, что вводятъ преподаваніе безусловно даровое для учащихся. Онъ прельщалъ и правительство совершеннымъ упраздненіемъ корпораціи учащихся и введеніемъ полиціи въ самыя аудиторіи; онъ подкупалъ профессоровъ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ въ сношенихъ съ молодежью; наконецъ, онъ могъ нравиться всѣмъ вообще необыкновенною простотою, съ которой при этой системѣ разрупался бы гордіевъ узелъ многотруднаго университетскаго вопроса. Въ самомъ разгарѣ университетской исторіи, тотчасъ послѣ шествія въ Колокольную иѣсколько членовъ университетскаго совѣта (Костомаровъ, Сухомлиновъ, Соколовъ, Бекетовъ), ходили къ министру и пробовали, не разрѣшать ли имъ осуществить идею вольнаго университета (подобное разрѣшеніе могло бы послужить выходомъ изъ непріятнаго положенія министерства по отношенію къ университету). Въ срединѣ октября, тотчасъ послѣ послѣдней сходки студентовъ предъ университетомъ, Костомаровъ напечаталъ статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой дѣлилъ заведенія, посвященные наукѣ, на воспитательно-учебные и образовательно-ученые и доказывалъ, что всѣ смуты, волненія и беспорядки въ университете происходятъ отъ того, что всѣ относятся къ университету какъ къ заведенію педагогическому, между тѣмъ какъ онъ долженъ быть учрежденіемъ только культурнымъ и просвѣтительнымъ безъ всякихъ цѣлей воспитательныхъ.

Многое можно было возразить почтенному Николаю Ивановичу, а прежде всего пришлось бы указать на несвоевременность его предложенія. Несвоевременно было бросать камень въ старый университетъ, въ ту минуту, когда надъ нимъ разражались всѣ

громы небесные. Притомъ всѣ доводы были построены въ этомъ планѣ на очевидномъ парадоксѣ. Старому университету ставилось въ вину то именно, въ чёмъ онъ не былъ ни на волосъ повиненъ, а именно его упрекали, будто бы онъ—будучи заведенiemъ педагогическимъ, не былъ въ то же самое время великимъ центромъ культуры и просвѣщенія. Въ видѣ новости, проектъ предлагалъ тоже самое, чтѣ въ полной мѣрѣ существовало въ старомъ университетѣ, куда могъ заходить всякий, какъ богатый такъ и бѣдный, мужчина и женщина, безъ всякихъ билетовъ и безъ всякой платы. — Подъ видомъ коренного разрѣшенія вопроса, проектъ только выбрасывалъ университетъ на улицу. Публика находилась бы на лекціи прямо подъ рукою городской полиціи; до сихъ поръ профессора имѣли право, по крайней мѣрѣ, ходатайствовать за провинившихся студентовъ, по проекту всякая нравственная связь была бы пресѣчена между профессоромъ и его аудиторіею, потому что аудиторія его—это протекающая чрезъ залу и ежеминутно мѣняющаяся публика, которую болѣе занимаетъ, чѣмъ поучаетъ, наемный популяризаторъ науки.—Проектъ Костомарова осуждалъ студентскую корпорацію, какъ анахронизмъ, какъ средневѣковое учрежденіе, не принимая вовсе въ соображеніе, что студентская корпорація не вмѣшается въ себѣ никакихъ признаковъ замкнутаго средневѣкового цеха, что она не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ привилегій и преимуществъ, что она могла бы составлять осуществленіе права людей, принадлежащихъ къ одному званію или сословію и имѣющихъ одинаковые интересы, сойтись и посовѣтаться объ этихъ интересахъ; наконецъ, она могла бы подготавлять юношей къ жизни практической, къ искусству говорить и разсуждать о предметахъ непосредственно касающихся ихъ быта, къ тому какъ имъ сдѣлаться современемъ толковыми и полезными гражданами, радѣющими о благѣ общественномъ. — Вольный университетъ представлялъ собою механическое дѣленіе труда, введенное въ дѣло народнаго просвѣщенія и господствующее вполнѣ и исключительно. Сколько каѳедръ, столько профессоровъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ министерствомъ, зависимыхъ отъ министерства и никогда не собирающихся вмѣстѣ, потому что и совѣтаться-то имъ не о чёмъ.—Наконецъ, даже сама польза отъ бесплатнаго преподаванія подлежала критикѣ и могла казаться сомнительна. Нѣтъ ничего предосудительного въ томъ, если достаточные люди вносятъ деньги за ученье, лишь бы бѣдные пользовались въ этомъ отношеніи возможными льготами. Плата за лекціи съ достаточныхъ служить ручательствомъ вѣкоторой самодѣятельности со стороны университета, средствомъ завести

новыя каѳедры, имѣть доцентовъ, устроить кабинеты и музеи, не прибѣгая всякий разъ за пособиемъ къ правительству. Плату за слушаніе преподаванія можно было бы согласовать съ свободою посѣщенія лекцій гостями, публикою; можно бы взимать плату не съ билетовъ за лекціи, а съ экзаменовъ и дипломовъ, давая притомъ бѣднымъ людямъ отсрочку въ платежѣ, пока они не обзаведутся по выходѣ изъ университета.

Противникомъ Костомарова явился Стасюлевичъ въ тѣхъ же «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но такъ какъ время было не такое, которое бы допускало свободную защиту или по крайней мѣрѣ разборъ вопроса о корпорації, слѣдовательно нельзя было высказать вполнѣ своихъ мыслей; и на сторонѣ Костомарова стало множество голосовъ въ литературѣ, и публика видимо тяготѣла къ-его идеѣ, привлекаемая кажущуюся ея новизною. Идеѣ этой дано было даже нѣкоторымъ образомъ и осуществиться. Послѣ выпуска бывшихъ студентовъ изъ крѣпости и изъ Еронштадта, ихъ взяль подъ свое специальное покровительство любезный, популярный, гуманный, новый военный генераль-губернаторъ А. А. князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій. Давались бѣднымъ пособія, оказывалось покровительство нуждающимся; разрѣшено вмѣсто закрытаго университета устроить публичныя лекціи въ огромныхъ залахъ Городской Думы. Лучшіе и любимиѣшіе профессора какъ университетскіе, такъ и другихъ учебныхъ заведеній, были приглашены читать эти лекціи и читали ихъ при громадномъ стеченіи публики. Но онѣ кончились печальнymъ образомъ на лекціи самаго главнаго защитника вольного университета.

Однимъ словомъ, наши защитники вольного университета не нашли на практикѣ подтвержденія своихъ идей о томъ, что стбить только уничтожить историческій университетъ, съ его общинными устройствами, кассою бѣдныхъ студентовъ, библиотекою и т. д.— и дѣло пойдетъ отлично. Даже г. Григорьевъ вынужденъ теперь сознаться въ противномъ, и намъ пріятно указать въ его трудѣ хотя на одно мѣсто, выступающее изъ общаго тона обвинительного акта. «Не было—говорить онъ (стр. 310)— казалось бы, ничего предосудительного въ томъ, что любители музыки изъ студентовъ соединились по нѣсколько разъ въ годъ, чтобы давать публичные концерты въ пользу недостаточныхъ товарищѣй своихъ (безъ сомнѣнія!); мысль печатать лучшія изъ студентскихъ работъ, получающихъ существованіе по разнымъ поводамъ, была очень хорошего мыслию, такъ какъ между работами этими встрѣчаются нерѣдко весьма замѣчательныя; добрымъ фольклоръ, повидимому, была и забота студентовъ объ устройствѣ

вспомогательной кассы для наиболѣе нуждающихся изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе достойныхъ. Но все это дѣлалось, къ сожалѣнію, такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы.» Итакъ, самъ г. Григорьевъ не видѣть въ студентскихъ порядкахъ конца 50-хъ годовъ «ничего предосудительнаго»; во многомъ лежала «очень хорошая мысль»; многое было «добрѣмъ дѣломъ». Очевидно, бѣда состояла только въ томъ, что все это дѣлалось не такъ, какъ слѣдуетъ. А чего же хотѣли профессора того времени? Они именно и желали, чтобы все это дѣлалось такъ, какъ слѣдуетъ. Мы раздѣлили, слѣдовательно, вышеприведенные взгляды г. Григорьева на студентскій журналъ, кассу и т. п., и просили только начальство позволить намъ устроить все это, какъ слѣдуетъ. Въ виду такой цѣли работала Кавелинская комиссія въ мартѣ и апрѣлѣ 1861 г.; этими же мыслями была воодушевлена совѣтская комиссія въ іюнѣ и іюлѣ того же года; съ тѣмъ же сознаніемъ Совѣтъ не осмѣялся принять на себя матрикулъ съ «нѣкоторыми перемѣнами»; наконецъ, въ самую критическую минуту, 8-го октября, Совѣтъ изъявилъ полную готовность взять на себя отвѣтственность за все, если ему будетъ дозволено распоряжаться, не утрачивая авторитета. Но ему предоставили невозможную задачу: исполнить безусловно предписаніе начальства и въ тоже время сохранить свой авторитетъ; повиноваться и повелѣвать; между тѣмъ первое лишало его силы для второго.

Что же, спрашиваемъ мы въ заключеніе, нашелъ г. Григорьевъ общаго между университетскими событиями 1861 г. и романомъ Всев. Крестовскаго «Панургово стадо»? Насколько справедливы заказныя обвиненія литературныхъ кондотьеровъ, воскликающихъ, что профессора того времени оставались равнодушны къ судьбѣ студентовъ и играли въ оппозицію? Но пусть иные фельетонисты черпаютъ изъ всякихъ романовъ свои соображенія и отвѣтъ на предложенный выше вопросъ; мы останемся въ надеждѣ, что многіе предпочутъ свидѣтельство очевидца, высказанное среди бѣлага дня и не въ царствѣ мертвыхъ, а при жизни массы людей, пережившихъ эту уже давнопрошедшую эпоху.

В. Спасовичъ.

12-го апрѣля 1870 г.